

Ю. Селиванов

Город женщины

г. Минеральные Воды
2011 г.

ББК
?

??? **Селиванов Ю. Г.**
Город женщин. Стихи и рассказы. – г. Минеральные Воды,
2011, с. 132.

ISBN

© Селиванов Ю.Г., 2011.

Глава I

Лирика

ГОРОД ЖЕНЩИН

Странный город: уснувшие кроны,
Зимней речки ночной берега,
Стоит только спуститься с перрона –
Все снега, все снега, все снега.

Поезда, уходящие в вечность,
Расставаний и встреч маета,
Жизни миг и любви скоротечность,
Вместо них – пустота, пустота.

Уезжаю в надежде вернуться,
Покидая уснувший вокзал.
Зимних луж разноцветные блюдца
Я запомнил, когда уезжал.

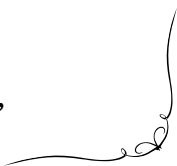
Бесконечность декабрьских туманов,
Силуэты застывших домов
В этом городе грез и обманов,
В этом городе женщин и снов.

Шорох платьев, изящество линий –
Я погряз в этом городе грез,
Словно в фильме забытом Феллини,
Все стихи из туманов и роз.

Все слова, имена и разлуки,
В этом городе нет адресов,
Лишь окраин ночных закоулки,
Мостовые из писем и слов.

В этом городе – зимы и весны,
В нем никто не считает года,
Две дороги сошлись в перекресток,
А потом разошлись навсегда.

Куст калины, слетели синицы.
Весь заснеженный утренний сад.
Две снежинки блестят на ресницах,
И вагоны на стыках стучат.

ОСЕНЬ

Стоял октябрь, краснели клены,
Шумел приезжими вокзал.
Ты улыбнулась удивленно,
Я что-то невпопад сказал.

Заложницы извечной темы,
С косым дождем наедине,
Три белоснежных хризантемы
Стоять остались на окне.

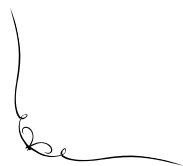
На город опускался вечер,
И мокли в сквере тополя,
И между нами, словно вечность,
Легла стальная колея.

К рукам озябшим прилипала
Плаща промокшего болонь,
И руку на прощанье сжала
Твоя холодная ладонь.

Так и осталась на перроне
Ты вместе с юностью моей,
Где тополей ночные кроны,
Где клик осенний журавлей.

Мои непосланные письма,
И фонарей вокзальных свет,
И эта осень, эти листья,
Как встреча через тридцать лет.

2010 г.

НОСТАЛЬГИЯ

Дождь за окном со снегом падал,
Смывая странный силуэт,
Так отголосок стылых капель
На прошлом оставляет след.

Дождь замерзал, на ветках льдины
В саду сверкали, как хрусталь,
Как будто жизни середина
Прошла через ночной февраль.

Гнул ветер банеры стальные,
То затихал, то вновь крепчал,
И волны памяти ночные
В бессилье бились о причал.

Все, что осталось без ответа,
Любви утраченной печаль,
С замерзших крыш и парапетов
Сдувал метелями февраль.

И одиночество все длилось,
Как ночь февральская без дна.
И с неба сыпалось и лилось
На тень бывшего у окна.

2011 г.

НОВОРОССИЙСК

Ночью тихо на причале
Над хребтом висит луна,
В синем мартовском тумане
Замерзает тишина.

В небесах ночные боги
Светят в море сквозь туман.
Широко расставив ноги,
Смотрит в море капитан.

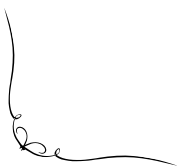
На краю Цемесской бухты
Спят на рейде корабли,
И в домах давно потухли
Полуночные огни.

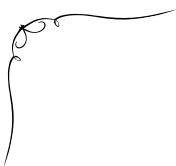
Волны бьют в борта фрегата,
И поет в снастях бора,
Спят безусые ребята
До подъема, до утра.

В общежитии девчушка
Все тоскует у окна,
На носу ее веснушки,
А на улице – весна.

Сталь хранит дыханье стужи,
Дождь над палубой идет.
Кончен дождь, в зеркальной луже
Отразился небосвод.

И, быть может, мирозданье
С экипажем заодно –
Звезды, словно на свиданье,
Собрались перед окном.

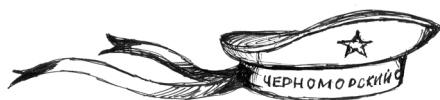

Утром с якоря сниматься,
И на флаг застынет строй.
Моряками возвратятся
Эти мальчишки домой.

По приказу утром рано
Выйдут в море моряки,
Их судьба – моря и страны,
Корабли и маяки.

2011 г.

НОЧЬ

Море ночное шумит,
Бьется рыбацкий баркас на волнах,
Сушатся сети на длинных шестах наклоненных,
Половинка луны проплывает, цепляясь за сети боками,
Рыбьи чешуйки в ячейках, как звезды, блестят,
Пирс в отдаленьи мигает своими огнями.
Словно танцуя,

То набегает волна с легким шуршаньем к ногам,
То, уходя, отдыхает.

Тихим бризом ночным дышит море.

Шум волны осторожный, как выдох и вдох,
Грозный сон великана под толщей соленой воды.

Не содрогаются недра. Молчание звезд.

Спокойно и тихо, словно и не было бурь.

Вечная жизнь океанов.

Рыбы плывут в темноте, покоряя пространство,

В каждой секунде спрессованы тысячи лет,

Пласты отложений морских организмов,

живших когда-то,

Скалами в море вернулись.

Круг все вершится.

Следы катастроф в толщах и тканях земли,

В тонких мирах происходят крушенья

Невидимых звездных миров.

Бездны немой созерцанье.

Стоит исполин, как застывшее время,

И облака над его головой, гонимые ветром,

устало плывут к горизонту.

Тайна былого величия жизни.

Жизнь, превращенная в камень. Смятенье усталой души.

Тоска ожиданья любви,

Но любовь не вернется.

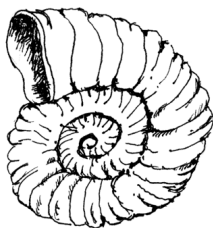
Так стекает по склонам вода в ручейки безвозвратно.

Нет никого.

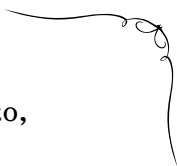
Только сосны на склонах и звезды

Шепчут друг другу чуть слышно.

Язык их не ясен и тих.
Пахнет утренним ветром и пеной морской.
Ракушки – спираль на песке.
Вечная жизнь и тоска расставания с миром.
Небо становится светлым перед рассветом.
Ночь, как змея, уползает в ущелье неслышно,
И серые клочья тумана на склонах,
Цепляясь за скалы и кроны деревьев,
Ее провожают, словно хоронят.
Фея ночная выходит из моря на берег,
На мокром песке оставляя следы.
Волна их смывает,
Как прожитой жизни ненужный кусок.
Все забыть и сначала начать
Новый день на окраине мира.

ТАНЦУЕТ ДЕВЧОНКА

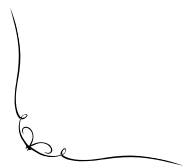
Над городом дождь, капли падают звонко,
Подвластные слепо земли притяженью.
На площади в ливне танцует девчонка –
Под капель летящих веселое пенье.

Стремительны руки, стремительны волосы,
И нет ни конца, ни начала движенью,
А в небе раскрашены радуги полосы –
Дождя с летним солнцем соединенье.

Танцует девчонка, и все улыбаются,
А солнце и дождь откликаются радугой.
И вряд ли прохожие догадаются
Про то, отчего ей смешно так и радостно.

Она танцевала, а дождь не кончался –
Такое простое девчоночье счастье.

1980 г.

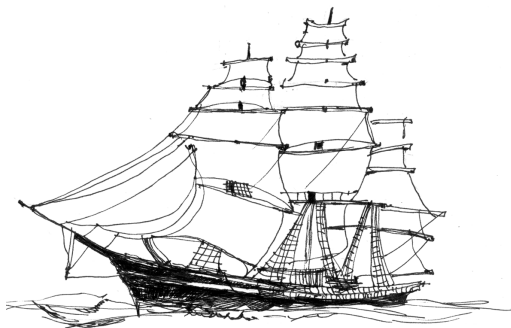
АССОЛЬ

Такая жизнь у моряка, такая доля –
Корабль, швартовы отдав, уходит в море.
И волны мой несут привет, но ты не слышишь
И на песке который год мне письма пишешь.

В своем далеком далеке ты письма пишешь на песке,
И эти письма ветер разрывает.
В своем далеком далеке слова ты пишешь на песке
И море синее слова твои смывает.

Опять грустишь на берегу под шум прибоя,
И на тебе такое платье голубое,
Что облакам, бегущим вдаль, как ни стремиться,
С голубизной твоей небесной не сравниться.

1984 г.

РАННЯЯ ПАСХА

Ночь волшебная без сна,
И зима на убыль,
И в который раз весна
Утром выйдет к людям.

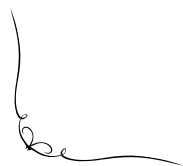
И снегам не век лежать
На лугах некошенных,
И не будут снова спать
Бабки на всенощную.

В грязь снежинки упадут,
Звук ночной капли,
Словно в сказочном саду,
Певчие запели.

Воскресение Христа –
День и час назначен.
С белоснежного листа
Век внезапно начат.

Ржавый гвоздь стекает в снег,
С кровью перемешанный.
В небе виден звездный бег –
Голубой и бежевый.

2000 г.

«АНДРЕЙ РУБЛЕВ»

Впечатления от фильма
Андрея Тарковского

Вижу снова и снова,
Как поэт с колокольной
Полетел удивленно
Над землею крамольной.

И заветное слово
Стылой пашне досталось,
Проросло вдруг весной
И бедой оказалось.

Легкий вылетел вздох,
Когда дух вышибали,
Умирал скоморох,
Чтоб воскреснуть в финале.

Непролазная грязь
По окраинам сонным,
Где простой богомаз
Стал Андреем Рублевым.

И по Руси святой,
Отраженной в криницах,
Бродит добрый, живой,
Неживой Солоницын.

В луковицах церквей,
В небо русское вросших,
Отразился Андрей
Как грядущее в прошлом.

Не подвластный векам,
Сам – знамение века,
Он безликим богам
Дал черты человека.

ПАСТОРАЛЬ

От холода окна стыли,
Шумела в ночи тайга,
От мира отгородили
Нас белой стеной снега.

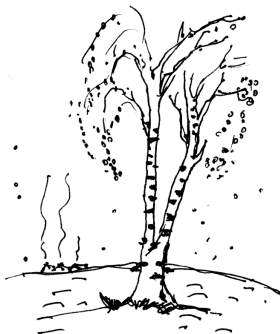
С каким-то забытым смыслом,
Словно циркачка по проводу,
К реке ты идешь с коромыслом
По белому снегу по воду.

От белого снега слепая,
Держа на плечах баланс,
Идешь, осторожно ступая,
Словно боясь упасть.

Опушку пересекала
Следов твоих диагональ.
На снежном листе писалась
Сибирская пастораль.

А на окне в стакане
Березовый календарь
Часы декабря считает,
А завтра уже январь.

1985 г.

ПЛЯЖНЫЙ КОНЧИЛСЯ СЕЗОН

В тесном номере двуспальном
Не уснуть мне до утра.
В городке провинциальном
Аномальная жара.

Аномальность одолела,
Еду к морю и курю.
Все направо, я налево –
На свиданье к сентябрю.

Еду к морю, чтоб расстаться
(Кто мне может помешать?)
Пить вино, в волнах купаться
И тебя не вспоминать.

Но с другими именами
И под внешностью чужой
Ты приходишь, как цунами,
И ложишься спать со мной.

Как зовут тебя? – Людмила!!!
Вот такие, Лен, дела.
Меня тоже не любила
Моя первая жена.

В ресторанах пью сухое,
Набираю лишний вес,
Вижу в женщинах плохое –
Проявляю интерес.

Поведением примерным
Не отмечен я опять.
Нужно быть закономерным
И себе не изменять.

Я себе не изменяю
И замужних не сужу.
Я неделю загораю
И скитаюсь по пляжу.

Я с замужними вращаюсь
Только здравствуй и прощай.
То знакомлюсь, то прощаюсь.
Уезжаешь? Уезжай!

Я в курортные романы
Окунулся с головой.
Все измены да обманы,
Мама, я хочу домой.

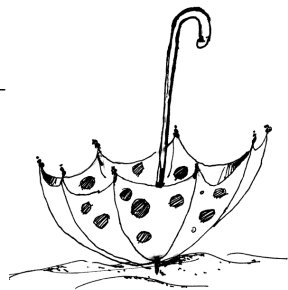
В пору взять и утопиться
От тоски курортных дней.
Это ж надо так напиться,
Чтоб в любви признаться ей...

Я лежу под солнцем жгучим –
Полумлею, полусплю.
Ты других, конечно, лучше,
Но тебя я не люблю.

Но дождливо и жестоко
Пляжный кончился сезон.
Я слоняюсь одиноко,
Как курортный робинзон.

На безлюдном пляже маюсь,
Оставаться – не резон.
Дождь осенний, я прощаюсь –
Пляжный кончился сезон.

2011 г.

ОЛЬГА АМОСОВА

Все в тебе так знакомо,
Можно сойти с ума.
Чайник шипит полусонно
Ольга Амосова.

Я называл тебя доброю
С глазами аквамаринowymi,
Ты любила недолго,
А может, совсем не любила?

Мне имя твое качали,
Как мачты, баксанские сосны,
Осенние листья шуршали
Ольга Амосова.

Я выкуплю до крупинки,
Верну до последней капли.
Помнишь, в ладони снежинки
Тихо и грустно падали.

1980 г. Архыз.

СОНЕТ

Накоплена весенняя вода
В снегах, лежащих грустно и безмерно,
И таящих уныло, равномерно,
Как тают уходящие года.

Накоплена тоска в молчании полей,
В весенних реках, подо льдами спящих,
В чернеющих руках ветвей,
Опавшею листвою шелестящих.

Накоплено, что прожито давно,
Дождливых дней осенних равнодушье.
В распахнутое выгляни окно
И шум дождя холодного послушай.

Придет опять весна, но мы с тобой
Давно живем опавшею листвою.

ЛУНАТИК

Но ходить по земле, среди свиста и брани,
Исполинские крылья мешают тебе.

(Шарль Бодлер)

Ночь тихо уходит, теряется мгла,
Уж лучше бы ночь – еще столько работы.
Я ночью выпрыгиваю из ума,
Шатаюсь меж звезд так легко и свободно.

Весь мир невесомый теряет оковы,
Я легкость в себе ощущаю и силы,
Как в детстве летаю и падаю снова
В волшебные сети созвездия синего.

Земля на ладонях лежит голубая,
В большом гамаке я качаюсь меж звездами.
И звезды своими глазами мигают,
И тонны добра по созвездиям розданы.

Идут эшелоны добра по созвездиям,
И дальние братья нам машут хвостами.
На свете никто не умрет от бездействия,
Мы сотни галактик завяжем мостами.

Мне смелых фантазий не занимать –
Вот снова бегу по космическим далям.
Я шепот вселенной могу понимать,
Мне пыль вековая прилипла к сандалиям.

И в мире мечты так давно уже не было,
Кометы усталые бродят стадами,
В библейском саду позабытого Эдема
Под яблоней Ева целует Адама.

1979 г.

ШХЕЛЬДА

Над Шхельдой пылают рассветы,
В озера глядятся леса.
И я, как ночная планета,
На звездных качаюсь весах.

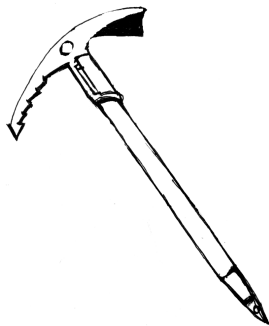
Цепляюсь за небо руками,
Чтоб крюк между звездами вбить.
Снегами, большими снегами,
Мне хочется думать и жить.

И черпать до дна, без остатка,
Предутренний этот простор.
Видавшая виды палатка
Стоит у заснеженных гор.

Размеренный ритм восхожденья,
Дыханье и стук молотка,
Я слышу знакомое пенье
Идущего в стену крюка.

На склонах застыли лавины,
К вершине идем налегке.
Я синие эти глубины,
Как книги, ношу в рюкзаке.

1981 г.

МАРУХСКИЙ ПЕРЕВАЛ

В ледниках промерзших
Наши деды спят.
Обелисков звезды
Над землей парят.

Здесь стоят над миром
Тысячи веков
Белые вершины
В шапках ледников.

Грохот ледопада,
Словно стон веков,
По святым останкам
В толщах ледников.

Умирая, эхо
Тихо упадет
Пулеметной лентой
На марухский лед.

1986 г. Архыз.

АРХЫЗ

Полуночная дробь пулемета,
Ледяное безмолвье вокруг,
Но все выше уходит пехота,
По ступеням идет на Марух.

Эти трещин зловещих провалы,
Снега хруст и дыханье лавин.
Сколько ляжет их здесь безымянных
С беспредельных российских равнин.

Завтра – бой. Ледяные могилы
Эти судьбы сольют на века.
Им сверкают Архыза вершины,
И шумит, провожая, река.

Эта белая цепь перевалов,
Где так гордо плывут облака,
И морозное утро с туманом
Над холодной сталью штыка.

2010 г.

МАРТ

Там, за лесом, чернели сугробы,
Ледоход разрушал берега.
И зерно в материнской утробе
Все лежало как Лазарь во гробе,
И ждало, когда схлынут снега.

И в глубинах земных аномалий
Силы жизни росли и росли.
Этой ночью снега умирали,
И провалы глубоких проталин
Были первые вздохи земли.

1985 г.

РЫБАЛКА В ЗАБРОШЕННОМ КАРЬЕРЕ

За городом октябрьским утром
В поросшем бурьяном карьере
Сидели мужики и хмуρο
На поплавки свои глазели.

Присев на берегу на корточки,
Курили беломор, скучали
И как-то по-мужицки точно
В тональность осени молчали.

В глубоком озере заросшем
Кривые тени их тонули.
И в очередку, между прочим,
Портвейн из горлышка тянули.

Вдруг над осенним миром синим,
Пересекая параллели,
Две стаи журавлиных клином,
Крича, прощально пролетели.

Шел журавлиный строй стремительно,
Как поредевший взвод в атаку.
И люди вслед смотрели пристально
И улыбались виновато.

Как будто детство там, над просекой,
Летело лавой журавлиной,
И это утро в листьях с проседью
Над жизнью жалкой и унылой.

И все пропитые и сонные,
Рукою солнце закрывая,
Как для глотка откинув головы,
Смотрели это понимая.

ФРЕГАТ

Так безнадежно, так угрюмо,
Как бы прощаясь навсегда,
Висела в черном брюхе трюма
Надежды южная звезда.

И в море места было мало,
И ветер снасти в клочья рвал,
И всех чертей девятым валом
Тайфун Бермудский накрывал.

Фрегат встречал волну бортами,
Жизнь уходила из-под ног.
Надежда – с нами, вера – с нами,
Спаси нас, бог!

1985 г.

Глава II

Юмористические стихи, рассказы

ЕСТЬ В КАЖДОМ ЗАХУДАЛОМ ПАРКЕ

Есть в каждом захудалом парке,
Где все бурьяном заросло,
Не комбайнер и не доярка,
А просто девушка с веслом.

Люблю я девушек постарше,
А вовсе не наоборот,
Когда они спортивным маршем
Идут по парку – грудь вперед.

Вот алебастровые плечи,
Ног мускулистых красота,
Такая может покалечить,
А ни за что, а просто так.

У наших женщин есть харизма,
Им все невзгоды нипочем,
С такой легко идти по жизни –
Ноздря в ноздю, к плечу плечо.

Стоит, весло в руках сжимая,
Как будто богатырский меч.
Немногословная такая,
Косая сажень хрупких плеч.

Она не Моника Белуччи
И не облезлая Мирей.
Лицом белей, фигурой лучше
И по характеру добрей.

Зачем мне эти Афродиты
Пусть назовут меня ослом.
Душа моя всегда открыта
Для русской девушки с веслом.

БОЛДИНСКАЯ ОСЕНЬ

Ее нога легко ступала
На пожелтевшие листья,
Где безотказность сеновала,
Где непримятые кусты.

Вокруг природа увядала,
А мы вдвоем, как Пушкин с Керн,
Лежим под крышей сеновала,
Стихи читаем нараспев.

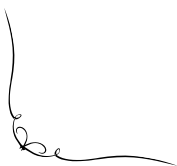
Ах, эта болдинская осень –
Кукушки голос в тишине.
Любви хотелось очень-очень,
Терпимо, в общем-то, вполне.

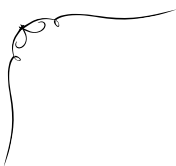
О, эти сладостные муки,
Мечты воздушные повес,
Духи, чулочки, ноги, руки
И платья боковой разрез.

Мои сверкали эполеты,
Я знал дуэльный вкус пальбы.
Мы, гениальные поэты –
Всегда не баловни судьбы.

Я все лежал и удивлялся,
Не мог я взять такого в толк –
Из-за тебя в Москве стрелялся
Не так давно гусарский полк.

Она лежала и зевала,
А я смущался и терпел.
Наверно, Керн не понимала,
Чего я от нее хотел.

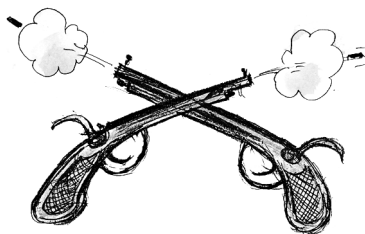

Она стряхнула с юбки сено,
Сказала: «Милый, ты достал!!!»
Графине слушать надоело
Тот бред, что я ей прочитал.

Кусты качались на опушке,
И жизнь опять давала крен.
Мне стало ясно – я не Пушкин,
А ты, естественно, не Керн.

2010 г.

ВСЕЛЕНСКИМ ХАМАМ

У нас в России были хамы,
Они ломали храмы.

(Н. Глазков)

В пространстве звездном звуков нет,
Пространство молчаливо,
И сотни миллионов лет
Оно молчит красиво.

Искусство слышать звездный бег
Не каждому подвластно,
И неуместен хамский смех,
Когда молчит пространство.

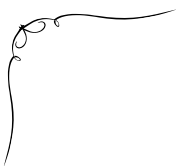
Болтливость – скверная черта,
Других всех черт сквернее.
Кто мудр – не раскрывает рта
И кажется мудрее.

Кричит политик свысока,
Пространство загрязняя,
Плывут безмолвно облака,
Его не понимая.

Все громкие слова вредны,
Они хламят пространство,
А загрязнение тишины –
Простое хулиганство.

Летит безмолвно звездный свет,
Лиричен и печален.
И тихий бег ночных планет
Всегда конгениален.

Ведь тишина – вселенский храм,
Древнее прочих храмов.
И я святыню не отдам
На поруганье хамам!

От дождя промокло воскресенье,
Словно у природы «банный день».
В сырость эту где найти спасенье,
От воспоминаний скрыться где?

*Н. П. Бондаренко,
из сборника «Пульс 4500»*

СЛЯКОТЬ ДУШИ

(Пародия)

И за что такое невезенье,
В голове сплошная дребедень.
Где найти от памяти спасенье?
От воспоминаний скрыться где?

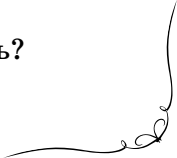
Это все погода виновата,
Сырость отродясь не выношу.
И когда вокруг дожди и слякоть,
Я принципиально не пишу.

Мне промозглость эта надоела.
Надоело мокнуть и дрожать.
Не пишу, курю, сижу без дела
И хочу от мыслей убежать.

Мне не до стихов, воспоминанья
Не дают спокойно есть и спать.
И за что такое наказание –
В непогоду что-то вспоминать.

Эти мне инверсии природы,
У себя любимого спрошу,
Почему в дождливую погоду
Я стихов хороших не пишу?

Не могу писать в такую сырость,
Может, взять в больнице бюллетень?
Что-то небо нынче прохудилось,
Может, у природы банный день?

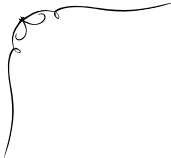

Я решил: раз так – попарюсь тоже,
Веничек дубовый нужно взять.
Вместе с паром веник мне поможет
Голову от мыслей очищать.

Покупаю веник я бесстрашно
И бегу куда глаза глядят.
Почему я, бедный и несчастный,
Сырость эту должен ощущать.

К бане подбегаю в нетерпенье –
Наконец попарюсь я сейчас,
Но висит на стенке объявленье
«Нет воды и отключили газ».

Не искушай меня, песня-кормилица,
Произнести как слова приговора.
Что недодумано – после домыслится,
Мне ль сокрушаться в неполные сорок.
Н. Семафоров,
из сборника «На стыках земных»

ОТКРОВЕНИЕ

(Пародия)

Не осуждай меня, песня-кормилица,
Рукопись приняли без оговорок.
Что недодумано – после домыслится,
Мне ль напрягаться в неполные сорок.

Не покидай меня, песня-кормилица.
Ты – как сберкнижка моя непечатаемая,
Если порою хочу, а не пишется,
Что получается, то и печатаю.

И такие хорошие звезды висят,
Вместе с девушкой на берегу я.
Мне хотелось ее облапить и взять,
Незабвенную, дорогую.
Мне бы лучше не видеть ночью ее,
А ходить одному по болотам.
А вокруг никого, а я ничего,..
Вот таким я был идиотом.

Н. Глазков

(Из проклятого прошлого)

СТРАННОЕ СОВПАДЕНИЕ

(Пародия)

Я с нею шел по берегу реки
И вел себя ужасно бестолково –
Острил, шутил, читал свои стихи
И лирику великого Глазкова.
Ну, а меня безумно волновал
Глубокий вырез ситцевого платья.
И вот, набравшись наглости, я взял
И заключил ее в свои объятия.
Все шло прекрасно, прямо как в кино,
Я так хотел ее облапить снова,
Но, к счастью, вспомнил, что давным-давно
Подобный случай был и у Глазкова.
Я вспомнил – и Глазков хотел того,..
Ну... в общем, от чего бывают дети,
А вот стерпел, добился своего
И вышел в гениальные поэты.
И я сглотнул слюну, чего скрывать,
Когда под платьем обнаружил тело,
Но стал ее тихонько одевать,
Она сопротивлялась - не хотела.
Мне так хотелось всю ее прижать,
Но тут поэт во мне проснулся снова.
Взяв низкий старт, я бросился бежать
И переплюнул даже Н. Глазкова.

1984 г.

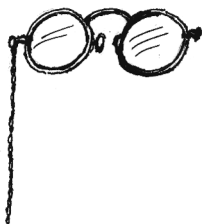

ЭПИГРАММЫ

ЧЕРЕПАНОВУ С.О.

Вы – врач, философ, депутат –
Наделены прекрасным смехом.
Купить пенсне, начать писать –
Возможно б, получился Чехов.

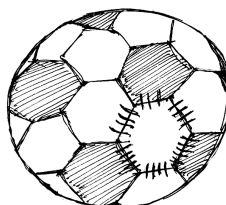
2010 г.

НИКИТИНУ В.М.

В архитектуре он артист,
Гроссмейстер арок и пилонов.
По сути ж Вова – футболист,
Но со строительным уклоном.

2011 г.

КЛУБ ТУРИСТОВ

Минераловодский городской туристский клуб
Для сердца отдыхающего люб.
На море возим, кормим, размещаем
И выполняем все, что обещаем.

Теперь о главном, на правах рекламы,
Сидите дома – значит, Вы не правы!
Хотим напомнить, если Вы забыли,

Наш телефон 6-6-02-4.

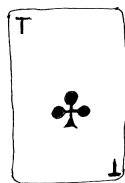
КОРОЛЬ ПРЕФЕРАНСА

В. Г. Мактесьяну

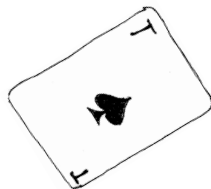
Крепок в сдаче и мастеровит,
Продолжатель линии семейной,
Как преферансист он знаменит
В обстановке узкой и келейной.

Не возьмешь такого на испуг –
Он всегда в игре поставит точку.
Вы, любезный, кажется, без двух,
Карта бита, денежки – на бочку.

Хвост пусть не пружинят фраера,
Плохо они знают дядю Вову,
Он во сне играет мизера,
А для подстраховки гнет подковы.

Пусть партнеры алчны и строги,
Карта не идет под утро что-то.
И у преферанса есть враги:
Женщины, начальство и работа.

ПЕСЕНКА ГЕОЛОГОВ

В. Ф. Копнину

Когда идешь в маршруте с рюкзаком,
Полсотни килограмм взвалив на спину,
Себя не ощущаешь дураком,
Ну, может быть, чуть-чуть, наполовину.

Держусь подальше я от докторов –
Они всегда подозревают что-то.
Психически я, кажется, здоров,
Хоть в зеркале похож на идиота.

Здесь нет вина, и женщин тоже нет,
Но есть всегда геологу работа.
На леднике маячит силуэт
Такого же, как видно, идиота.

Иду по леднику и вижу цирк*,
В таких делах нельзя без фанатизма.
Мы вечером разбавим чистый спирт
И выпьем за победу альтруизма.

Неделю льют дожди на Безенги,
Сезон полей закончится на Малке,
И наши с легким вывихом мозги
Всю зиму будут чахнуть в комералке.

2011 г.

*Цирк – ледниковая форма рельефа.

БАЛЛАДА О МЕСТЕ ЖИТЕЛЬСТВА

Всем кандидатам в депутаты, которые
хотят избираться подальше от того
места, где они живут, посвящается.

Я что-то не пойму людей с другой пропиской.
Чего их тянет в наш забраться в огород,
Зачем спешат сюда, а путь такой неблизкий,
Пойду и посмотрю,

Где
Кандидат
Живет.

Быть может, здесь трава и выше и сочнее,
Возможно, здесь привес дает хороший скот.
А, может, наша грязь для них всего роднее?
Пойду и посмотрю,

Где
Кандидат
Живет.

И, выпив на троих за праздник честь по чести,
Соленый огурец засовывая в рот,
Ты, прежде чем черкнуть на бюллетене крестик,
Возьми и посмотри,

Где
Кандидат
Живет.

ОДНОЛЮБ

Быть однолюбом трудна работа,
Мне дамы не дают спокойно жить,
Жена уже подозревает что-то,
Все думаю: «Ну быть или не быть?»

Мне не нужны все Манечки на свете,
Не завожусь от Кать, Ирин и Люб,
Пусть анонимки пишут в ЖЭК соседи,
Я с детства стопроцентный однолюб.

Есть у мужчины в жизни идеалы,
Ему любые чувства по плечу.
Мне не нужны Татьяны, Розы, Аллы,
Глафир и Маш я тоже не хочу.

Пусть есть на свете женщины и краше,
Мне наплевать на сплетни и молву,
Я равнодушен к Дусям, Верам, Дашам
И к Галям не хожу на randevу.

Зачем мне Иры, Зои, Лизаветы?
Ларис я никогда не оценю.
Мне нравятся Марины, Лены, Светы,
Другие имена я не люблю.

АРХИВНОЕ ДЕЛО

Единственным более или менее приличным местом в редакции, где можно было в тяжелый для любого курильщика осенне-зимний период покурить, была темная, словно подземелье средневекового замка, комната. Окон в ней не было и в помине, а освещением служила маленькая лампочка ватт в двадцать пять, вся засиженная мухами и покрытая толстым слоем копоти. Здание было очень старым с покосившимся набок крыльцом и ржавой, словно кем-то обгрызанной, водосточной трубой. Дубовая рассохшаяся скрипучая дверь, оставшаяся еще от царского режима, при открывании издавала неприятные хватаящие за душу мяукающие звуки. Так мяукают кошки, когда хозяин ненароком наступает им на хвост. Скрип двери сильно раздражал сотрудников, но никому и в голову не приходило просто взять и смазать проржавевшие от времени петли. На двери висела угрожающая табличка «Курить строго запрещено». Может быть, из вечного желания делать все наоборот здесь курили все, и было даже немного странно, почему до сих пор не было ни одного, хотя бы маленького, возгорания. Дело было в том, что в комнате, в которую годами сбрасывались горы никому ненужных бумаг и документов, находился архив редакции. Бумага же, как известно из физики, очень хорошо и, главное, быстро горит. Последнее обстоятельство не могло не беспокоить главного редактора, который курил в архиве наравне со всеми, и возможно, поэтому мысли о нарушении сотрудниками противопожарных нормативов мешали ему после напряженного трудового дня спать, обняв двумя руками большую плюшевую подушку.

– Душа моя, – сказал мне он однажды во время перекура, держа в руках пуговицу на моем новом костюме и сбрасывая пепел прямо в кучу пожелтевших от времени папок. – У меня к тебе большая просьба. Зайди завтра в городской архив и узнай, как бы нам сплавить туда весь этот исторический хлам. Скажи им, что, мол, хорошие материалы, жаль если пропадут. Да не мне тебя учить, сам знаешь, что в таких случаях говорят. Пусть архивариусы изучают, им за это деньги государство платит.

Он отпустил мою пуговицу, похлопал по-отечески ладонью, похожей на холодец, по плечу и вышел. Дверь опять жалобно мяукнула.

Утром я стоял у двери архива. Меня поразило, что она тоже была сильно перекошена, с оторванной ручкой и выкрашена в отвратительный казенный темно-коричневый цвет.

– Здравствуйте, – сказал я вежливо, входя в большую плохо убранную комнату с ретрообоями, наклеенными, очевидно, в далекий период освоения нашей страной Западной Сибири и Дальнего Востока. На обоях были изображены елки вперемежку с березками. Видимо, бюджетные средства, отпущенные на ремонт, долго обходили стороной это учреждение. Оглядевшись, я обнаружил, что в комнате никого нет. Через открытую в соседнюю комнату дверь были видны многочисленные стеллажи, на которых лежали мясистые папки, как колбаса, перетянутые шпагатом. Казалось, что вот-вот с них закапает жир. Неожиданно откуда-то из-за полок вынырнул неказистый мужичок с легкой плешью на голове. Одет он был в сине-зеленый халат, под которым, словно шахматная доска, красовался клетчатый пиджак. Такие живописные фасоны мужской одежды местная фабрика выпускала лет 30 тому назад. На ногах клетчатого были надеты сандалии с металлическими застежками и стоптанными задниками. Очевидно, они заменяли их владельцу комнатные туфли, которые приличные люди всегда надевают дома, чтобы не скользить в носках по натертому паркету. При ходьбе сандалии позвякивали.

– Здравствуйте, я вас внимательно слушаю, – ответил клетчатый служитель архива с некоторым опозданием, не вынимая изо рта сигареты.

– Знаете, товарищ, – решил я сразу взять быка за рога, обращаясь к клетчатому. – У нас в организации скопилось большое количество различных ценных документов. Выбрасывать жалко. Могли бы мы сдать их вам на хранение?

– Нет, конечно, – ответил клетчатый архивариус, пересовывая сигарету губами из угла в угол.

Столь категоричный отказ меня несколько озадачил и удивил.

– Мы не можем взять ваши документы потому, что они не представляют никакой ценности для истории.

Сделав небольшую паузу он выпустил изо рта небольшое сизо-голубое никотиновое облако.

– Да-с, товарищ, именно никакой ценности, – повторил он, в упор глядя на меня тяжелым свинцовым взглядом.

Мне стало неуютно и обидно, что какое то мурло в стоптанных штиблетах хочет вычеркнуть из мировой новейшей истории весь наш дружный коллектив.

– А, собственно, почему вы берете на себя ответственность утверждать голословно, не посмотрев ни одного документа, что мы не представляем из себя никакой ценности? Кто дал вам на это право?

Сказав эти резкие слова, я даже испугался. В это время мне на голову упал небольшой кусочек отвалившейся с потолка штукатурки. Надменно-презрительное выражение лица архивариуса мгновенно, словно театральная декорация, сменилось на недоумевающее.

– Если бы вы представляли из себя что-нибудь ценное, то нам бы отсюда, – он сделал паузу и многозначительно поднял вверх указательный палец, – давно бы сообщили.

Проследив за его кривым пальцем с желтым от никотинизации, давно не стриженным ногтем, я уперся взглядом в потолок. Он был весь в каких-то грязно-яичных разводах, то ли от краски, которой его покрасили еще в позапрошлом веке, то ли от протекающей крыши. В углу рядом с вентиляционной решеткой чернела вуаль из многолетней паутины. Ничего другого на потолке я не обнаружил.

– Кого, интересно, он имел в виду? – подумал я с грустью. – Господа бога с его многочисленной свитой или более низкие земные структуры.

В мою одинокую и ранимую душу заползла змея тоски-печали и уснула там, уютно свернувшись калачиком. Мечты о благополучном исходе предприятия разбились о бетонную стену человеческой черствости, равнодушия и мелкого низкопробного цинизма.

Мой противник ликовал и праздновал победу, а звон меди на его сандалиях во время дефиле вдоль стеллажей, обильно усыпанных исторической пылью, напоминал мелодию старинной солдатской песни:

*Так громче, музыка, играй победу –
Мы победили, и враг бежит, бежит, бежит.*

Но бежать мне вовсе не хотелось. Скорее, даже наоборот. Я был настроен на решительные боевые действия. Мне хотелось влезть на бруствер окопа, зажав зубами ленточки бескозырки и примкнув на винтовку трехгранный молодецкий штык, рванув на груди в сердцах полосатый тельник, сойтись с ним в рукопашной. Это гены моих далеких предков бродили во мне, доводили до кипения кровь и звали к отмщению любым доступным способом.

«Хрюк-хрюк» – нарушили тишину помещения застёжки моего старого рыжего портфеля из крокодиловой кожи, и я извлек из его недр... Нет, это была не наступательная граната образца 1942 г. РГД-42, предназначенная для поражения живой силы противника, трусливо засевшего в окопах. Это была всего лишь фотография. Но какая... У меня совершенно случайно оказалась при себе фотография моего двоюродного прадедушки. Снимок был дореволюционный и по праву считался семейной реликвией. Я не собирался отдавать столь ценное фото клетчатому хаму, но доказать ему, что в моем окружении есть исторические личности, я хотел. Я также хотел увидеть белый флаг позорной и унижительной профессиональной капитуляции противника. А я, как победитель, в свою очередь, благородно и с достоинством, как и подобает наследнику лучших традиций русского офицерства, дарю ему жизнь, которая, безусловно, не стоила и ломаного гроша. Но традиции есть традиции и их нужно чтить. Победитель должен быть великодушен.

– Вот, – сказал я, протягивая ему фото. – Прошу ознакомиться. Может быть, вы скажете, что это тоже не историческое лицо, и оно тоже не представляет интереса.

На фото был изображен офицер русской армии с Георгиевским крестом на груди. Фуражку с кокардой он держал в согнутой левой руке, рубленые носы начищенных до блеска сапог смотрелись очень старомодно. Во всей его фигуре чувствовались какая-то уверенность и молодцеватость. Черные усы были закручены кверху небольшими колечками, словно это были ручки ножниц. Правой рукой прадедушка придерживал кавалерийскую пашку. На заднем плане на студийном холсте были изображены кавказские хребты с трудноуз-

наваемыми конфигурациями вершин. Очевидно, фотограф, вешая эту декорацию в своем салоне, хотел придать фотографиям южный неподражаемый колорит. Внизу под фото стояла дата – 1914 год.

Архивариус молча взял раритет, лениво достал из бокового кармана пиджака очки со сломанной дужкой и посмотрел на фото. Его взгляд напоминал мне буровую установку, при помощи которой ищут в изнывающих от жажды пустынях живительную воду. Пробурился таким образом метров двадцать–тридцать, клетчатый остановил установку. На его некрасивом в мелких пупырышках лице засияла такая же некрасивая кривая улыбка. Я тоже улыбнулся. Фортуна была благосклонна ко мне. Оставалось немного подождать, пока противник выбросит наконец белый флаг, и трусливо поджав хвост, бросится сдаваться в плен. Но, к моему большому удивлению, господин в сине-зеленом халате не спешил этого делать. Он вообще не делал никаких действий, на мой дилетантский взгляд, просто необходимых в данной ситуации. Он не выпрашивал у меня реликвию, не приобщал ее к многотомным, пропитанным вековой пылью делам и, засучив по локоть рукава, не ставил на ней никаких клейм в виде инвентарного номера, какими обыкновенно клеймят породистых лошадей на случай угона.

– А вы знаете, – сказал он наконец, – ваша фотография тоже не представляет ценности для истории края.

Увидев на моем лице недоумение, клетчатый продолжил, апеллируя уже непосредственно к фото.

– Белогвардейцев не принимаем, – сказал он, разведя руками в стороны, словно развернул меха трехрядной разризованной гармонии. – Нам они без надобности.

Я на всякий случай посмотрел на календарь, висевший на заляпанной синей панельной краской стене. На нем был не 1937 год, а, как я и полагал, 2007.

– Насколько я помню из курса средней школы, – сказал я, немного приходя в себя, – в 1914 году еще не было гражданской войны, а, стало быть, и самого понятия «белогвардеец». Более того, – продолжил я, – может быть, я вас огорчу, если сообщу, что и Октябрьской революции тоже еще не было, и В. И. Ленин в чемодане с двойным дном еще не пересек без

паспорта финскую границу, а весь исторический до последней заклепки крейсер утренняя зари «Аврора» еще томно млеет на рейде в предвкушении грядущих революционных бурь.

Сказав это, я сел на какой-то гнутый венский стул со сломанной ножкой, при этом чуть с него не свалился. Клетчатого это развеселило.

– Ну и что? – сказал он. – У него же на лбу написано, что он все равно потом сбежал к Колчаку.

Клетчатый для убедительности похлопал себя по морщинистому лбу.

– Колчак воевал в Сибири, – издевательски уточнил я. – Далеко нужно было бежать.

– Ну не к Колчаку, так к Юденичу, – проблеял мой оппонент. – Одно слово беляк – пробу ставить некуда.

– Юденич тоже не подходит, – со смехом сказал я.

– Это почему же не подходит? Очень даже подходит. Что Юденич, что этот молодчик с фото – прямо два сапога пара. – Клетчатый ткнул никотиновым пальцем в лежащее на столе фото.

– Опять промашка, – возразил я, стараясь держать себя в рамках. – Юденич командовал войсками под Санкт-Петербургом. Как ни крути – без малого три тысячи верст. Учитывая традиционно русское бездорожье, разруху, бездарность начальства, моему двоюродному прадедушке туда с юга было просто не добраться.

Я увидел, что архивариус несколько огорчился этому обстоятельству. Он не ожидал, что Юденич зачем-то отправился воевать так далеко. К тому же, у клетчатого, очевидно, закончился запас белых генералов, к которым мог сбежать мой двоюродный прадедушка.

– А это не важно, – сказал он, слегка заикаясь, – где он служил. Важно другое – он служил не у тех, у кого надо, а, значит, не может являться историческим лицом.

Сказав это, он с вызовом посмотрел на меня.

– А вот эта морда является? – окончательно выходя из себя, выкрикнул я и ткнул пальцем в газету, лежавшую на столе, где под чьим-то портретом красовалась надпись «Ваш кандидат». – О!!! Судя по тому, как он прошит, пронумеро-

ван и прошнурован, он, безусловно, историческое лицо. Весь его молодецкий вид говорит в пользу того, что он занимает достойное место в нашей новейшей истории.

Клетчатый, видимо, не ожидал такого разворота событий и сразу не нашелся, что мне ответить.

– Хорошо, – сказал я, не дожидаясь его ответа и пряча фото в портфель. – Хорошо, я сейчас уйду. Только покажите мне список и все. Я взгляну на него одним глазком и уйду. – Я заговорщически подмигнул ему.

Клетчатый отшатнулся от меня, словно я был болен оспой или сибирской язвой.

– Послушайте, – сказал он. – Что вы себе позволяете? Я не понимаю, о чем вы. Какие-то странные списки. Не знаю я ни про какие списки.

– Не понимает он, – и я потряс у него возле носа указательным пальцем. – Этот номер у вас не пройдет. Нет, не пройдет. Никак не пройдет. Не на того напал, брат. Дайте мне взглянуть на список исторических лиц, утвержденных там, – и я показал пальцем куда-то наверх. – Я же знаю наверняка, что он у вас где-то есть.

Наступила небольшая пауза. Мы с клетчатым одновременно испуганно посмотрели наверх, словно хотели увидеть там того, кто действительно сидел и утверждал прижизненные списки исторических лиц. Но на потолке кроме грязно-яичных разводов по-прежнему ничего не было.

Расстались мы сухо. Вежливо попрощались и разошлись. Обошлись без рукопожатий. Вернее, ушел только я, а мой противник остался на поле боя собирать трофеи. Я еще долго чувствовал его недобрый свинцовый взгляд у себя за спиной. «А хорошо» – подумал я, идя по улице и радуясь жизни, что мой двоюродный прадедушка не будет лежать на одной полке с этим мордастым кандидатом. Видимо, времена такие. Порядочным людям в истории места пока нет.

МОРСКАЯ ФАМИЛИЯ

(Чеховский сюжет)

У хозяина бюро ритуальных услуг «В добрый путь» господина Панихидина внезапно заболел зуб. Случилось это, как назло, тринадцатого числа, в черную пятницу. В тот же день за обедом он просыпал по неловкости из солонки соль на кухне, когда в гостях у него была теща Лилия Самсоновна, которую он терпеть не мог и всегда считал ее появление в доме дурным предзнаменованием.

– Просыпать соль, – это к несчастью, – прокомментировала происшествие всезнающая теща, закусывая выпитую рюмку перцовки соленым огурцом.

Панихин после этих слов сразу спал с лица и лишился аппетита, отодвинув от себя кусок жареной свинины с овощами, картофелем-фри и острым соусом.

– И надо же тебе, старая развалина, в каждый горшок плюнуть, – думал Панихин, глядя на жесткое и монументальное, словно вырубленное из камня, лицо тещи. Если бы к черным хорунжиевским усикам Лили Самсоновны можно было бы добавить пару запыленных кавалерийских ботфуртов со шпорами в виде колючих звездочек и брякающую при ходьбе и свисающую до самой земли саблю, то она вполне могла бы сойти за запойного рубаку-кавалериста, отправившего на тот свет не один десяток врагов. Панихин побаивался тещу еще и потому, что она всю жизнь командовала своим мужем – полковником в отставке, маленьким, лысым и, в отличие от жены, добрым человеком и иногда в пылу семейного диспута даже занималась рукоприкладством, на что последний жаловался Панихидину, пытаясь вызвать у него понимание и сострадание.

– Не знаю, Александр Порфирьевич, – отвечал ему на его жалобы Панихин. – Меня жена пока не бьет, и слава богу. А вы бы тоже ей дали разок-другой по мордасам.

Панихин сжал что есть силы кулак и поднес его к самому носу нерешительного тестя.

– Что ты, – испуганно говорил полковник. – Я же мужчина, и я не могу поднять руку на слабую женщину.

– А жена в силу того, что она слабая женщина, может поднимать руку на мужчину? – съязвил Панихидин.

Но реплика Панихидина осталась без ответа. Бедный и униженный судьбой тесть не смог за двадцать лет счастливой семейной жизни решить для себя этот сложный вопрос.

Несчастье случилось ровно в полночь. Заболел коренной зуб слева аккурат в 12 часов ночи, как по заказу. Заболел сильно, подло и, можно даже сказать, нестерпимо. Все уже спали. Из соседней комнаты доносился командирский храп ненавистной тещи. Панихидин промучился всю ночь, и когда утром его нашли в кровати близкие родственники, без слез на Панихидина нельзя было смотреть. Его лунообразное и всегда жизнерадостное лицо, украшенное небольшой фанфаронской бородкой и усиками в стиле Марчелло Мастроянни, вытянулось и стало похожим формой на среднеазиатскую перезревшую дыню.

– Что случилось, Пуся? – в испуге вскинув руки, спросила жена Панихидина.

– Буля, – жалобно сказал Панихидин, сползая с кровати и на коленях перемещаясь по паркету к испуганной жене. – Этот гадкий зуб не давал мне спать всю ночь, – жаловался он ей, стоя на коленях и держась обеими руками за мощные бедра супруги, прижав голову к ее большому, как подушка, животу. Со стороны это напоминало картину знаменитого художника-передвижника «Возвращение блудного сына».

Шустрая, вся в маму, жена Панихидина быстро умчалась куда-то и принесла сразу несколько снадобий и порошков. Панихидин под напором жены выпил их все по очереди, но облегчения не наступило. Тогда к больному зубу Панихидина домашние стали без спроса прикладывать поочередно прополис, чеснок, завернутый в сало, корень солодки, заставили его полоскать больной зуб шалфеем и листом сенны, растворами соды, эвкалипта и морской соли. Ничего не помогало. Зубная боль не утихала. Утро прошло в мучениях и томлениях, но, несмотря на это, к врачу Панихидин ехать отказался наотрез. Зубных врачей с их мерзкими бормашинами и щипцами, которыми они так и норовили выдернуть

у больного последний здоровый зуб, Панихидин панически боялся с детства.

– Делайте, что хотите, хоть убейте, но к врачу не поеду, – сказал Панихидин и накрыл подушкой голову.

Позвали соседа Панихидиных – кривоногого полного человека, одетого в давно не стиранную тельняшку. По слухам, Пантелеич практиковал восточные методики. Имени его никто не знал, потому что звали его все просто Пантелеич. Он по-хозяйски раздвинул шеренгу из домочадцев, которую возглавляла теща, стоявшая у постели, словно забор, и мешала подойти к телу Панихидина. Самого Панихидина было не видно из-под метровой красной подушки, за которой он прятался.

Со словами «где у нас тут...» Пантелеич взял дынеобразную голову Панихидина в руки, словно это был арбуз, и стал ее давить толстыми, как поленья, пальцами, говоря при этом про какие-то нужные для исцеления точки. Присутствующим показалось, что голова Панихидина стала издавать звуки, похожие на треск спелого арбуза, когда его начинают резать. Но то ли у Панихидина этих загадочных точек не было вовсе, то ли Пантелеич что-то напутал, только зуб болеть не перестал. В довершение всех бед к зубной боли добавилась еще головная, а в местах надавливания выросли небольшие бугорки шишек. Пантелеич, бурча что-то себе под нос, ушел, унося с собой тяжелую смесь разных запахов, самыми сильными из которых были запах перегара и давно не стиранных носков. Все лекарственные препараты, пущенные в ход, и многочисленные народные средства результатов тоже не дали. Может быть, виновата была злополучная черная кошка, так неудачно перебежавшая Панихидину дорогу на углу улицы Пролетарской и проспекта имени автора «Капитала» Карла Маркса. Пересечение улиц носило откровенно мистический характер, так как основоположник написал данный труд именно для пролетариата, как известно, из другого произведения Маркса – могильщика буржуазии. Может быть, тот факт, что Панихидин появился в этом губительном для представителя местной буржуазии месте именно тринадцатого числа, да еще в пятницу, и стал для него роковым. А может быть, и даже более вероятно, что причиной несчастья было присутствие в доме тещи – Лили Самсоновны, которая

корчила сочувственные гримасы, прохаживаясь, как часовой, взад и вперед прямо перед кабинетом Панихидина. Она пережила трех мужей и пережила бы и четвертого, но у последнего, видимо, был иммунитет на ее яд.

– Старая кобра, – глядя на демарши тещи около своей двери, думал Панихин, корчась от боли. – Свела в могилу трех мужей, так ей мало этого, за меня принялась, ведьма.

Во всяком случае, сам Панихин считал именно тещу виновницей всех своих несчастий. зуб же болел так нестерпимо и подло, что хоть на стенку лезь. Ситуация носила безысходный и даже почти трагический характер.

– Милый, тебе больно? – спрашивала его полногрудая и широколицая супруга в глубоко декольтированном желтом халате с попугаями и в шлепанцах, надетых на босу ногу. Звали супругу Жанна Францевна. Панихин называл жену ласковым именем Булик.

Может, это было сокращение от бульжник, который, как известно опять же из трудов К. Маркса, является оружием того же самого пролетариата. Булик была ребенком от первого брака. Ее полные и рельефные, как у штангиста, и смуглые икры были хорошо видны из-под канареечного халата.

– Ну поехали к доктору, Пуся. Будь хорошим мальчиком. Доктор сделает укольчик, вырвет Пусику зубик, и все пройдет. – Умоляющим басом, напоминающим звук трубы геликон, говорила Жанна Францевна.

Панихин безумными глазами смотрел на супругу, но при всем уважении и к ней и даже к ее многочисленным родственникам, регулярно приезжавшим отдыхать в Пятигорск из соседней дружественной республики, наотрез отказывался идти к доктору. В свои неполные 40 лет Панихин, к своему позору, ни разу не бывал в кабинете стоматолога. Уколов он тоже не выносил – ни в вену, ни в какие другие менее болезненные места. Сам вид укола повергал его в дикий ужас. Как только он себе представлял, что какое-то мурло в белом халате с засученными по локоть рукавами и до невозможности волосатыми руками берет в руки шприц и с ехидной рожей засовывает этот шприц ему в рот, Панихину моментально делалось нехорошо. Если бы ему всунули

в рот вороненое дуло ковбойского кольта со взведенным для выстрела курком, то он бы, наверно, перенес это гораздо легче, чем рядовой укол в мягкое место.

– Никуда не пойду, – кричал Панихин, опять засовывая голову под огромную подушку. – Отстаньте от меня все. Само пройдет.

Трагизм ситуации подчеркивали мрачные, неизвестно откуда взявшиеся в этом доме темно-красные плюшевые портьеры на окнах. Своими кровавыми старорежимными кистями и монументальностью они напоминали театраль- ный занавес в провинциальном театре эпохи стагнации и застоя. Так и казалось, что через мгновение из-за занавеса вылезет заспанный и помятый Отелло с беломориной во рту и кого-нибудь задушит, не найдя на положенном месте Дездемоны.

Навестить больного приехали бывшие его однокласники, а заодно и собутельники. Или наоборот, сначала собу- тельники, а уже потом однокласники. Это были известные в городе личности: Крестов, Покойников и Погостов. По суб- ботам они все вместе по вечерам играли в преферанс в заго- родном доме Панихина и запивали висты, мизера, взятки и прикупа большим количеством крепких мужских напит- ков. С закусками тоже все обстояло очень красиво. Добрые руки Жанны Францевны изготавливали для гостей различ- ные замысловатые кавказские блюда и закуски, названий которых не знал даже сам Панихин. Все давно привыкли к такому распорядку и с некоторым осуждением смотрели на несчастного и больного Панихина, срывавшего всем заслуженный отдых.

– Водкой полоскать не пробовал? – шепотом спросил Погостов, дождавшись момента, когда Жанна Францева, огромная, словно слон, сверкая крупными как у штангиста голыми икрами, протопала в соседнюю комнату с подносом нетронутой еды. Гости с сожалением смотрели, как вместе с Жанной Францевной из комнаты уплывают украшенная зеленью долма, салат из курицы, жареные баклажаны с помидорами и несколько бутербродов с зернистой крупной, как картечь, икрой.

– Многим, говорят, помогает, – лицо Погостова при этом было таким серьезным и сосредоточенным, как будто он на допросе выдавал под пытками военную тайну.

При слове «водка» Панихидин вынул голову из-под подушки, несколько раз мотнул ею из стороны в сторону, словно годовалый бычок, и опасно посмотрел на дверь из мореного дуба с львиными медными мордами на ручках, за которой несколько мгновений назад скрылась супруга. Прюделав это, он засунул голову назад под подушку.

– Был у нас в полку повар, – сказал сидевший рядом с заболевшим капитан в отставке Крестов. – Полный широколобый мужчина с длинным мощным корпусом, короткими кривыми ногами и бакенбардами в виде котлет. На его темени светилась небольшая в несколько сантиметров плешь из которой торчало несколько скудных рыжих волосинок. Так он весь полк от головной боли лечил. Возьмет, подлец, банку с водой, насыплет в нее какой-то дряни. Поводит руками вокруг банки, поводит, потом вокруг головы. Воду заставлял пить, причем всю банку разом. И через двадцать минут человек здоров и счастлив. К нему даже из дивизии приезжали голову лечить, в основном с утра. Умел, мерзавец. А готовил плохо. Просто ни к черту готовил. Его раза два солдатики даже били за это. Но упертый был. Все равно отлежится, раны, как говорится, залижет и за свое. Опять упорно плохо готовил. Все удивлялись такому его упорству. Потом, правда, его в другую часть перевели. От греха подальше. Повара этого бы сюда, или экстрасенса какого-нибудь завалященького. Он бы тебя враз на ноги поставил.

– Точно! – неожиданно для всех крикнул доселе молчавший Покойников и от нетерпения даже подскочил со стула. – Есть такой человек. Несколько лет назад проходил у нас в отделе по уголовному делу о хищении коровы.

– И кто же это, если не секрет? – ехидно поинтересовался Крестов, относившийся ко всякого рода магам и чародеям и прочей паранормальной братии весьма критически.

– Один гражданин из Ульяновки. По образованию, как ни странно, ветеринар, – сказал Покойников.

– Что ж! – Опять влез с репликой Крестов. – Не хочет наш, – он сделал паузу, поворачивая голову в сторону больного, – Пупсик идти к обычному доктору, пусть идет к коновалу.

Он нежно погладил подушку, под которой от мирских невзгод прятался больной Панихидин. Все дружно засмеялись.

– Пока он сидел в КПЗ, – не обращая внимания на смех, продолжал Покойников, – всем зубы вылечил. Даже замполит к нему обращался. Заговором лечил и обычной водкой.

– Что, заговаривал водку и заставлял пить? – заинтересованно переспросил Панихидин, высовывая голову из-под подушки.

– Нет! Заговаривал он зубы, а водку потом выпивал сам. Прямо Алан Чумак какой-то.

Глаза Панихидина, вылезшего из-под подушки, заблестели. В них засветились слабые, едва заметные искорки надежды.

– Так он же, наверно, сидит до сих пор, – с сожалением сказал Погостов, работавший в торговле и поэтому критически относившийся к людям в погонах. – Вам бы все сажать людей да сажать. Никак остановиться не можете. Вон уже зубы лечить некому... пересажали всех.

– Им за то, что они вас сажают, государство деньги платит. Больше посадят – больше получают, – ехидно заметил Крестов. У них оплата труда сделная.

– Во-первых, мы не сажаем, – с обидой возразил Покойников, – сажает суд. А, во-вторых, он уже наверняка вышел. Ему и светил год от силы. Корова была не колхозная, а частная. Пострадавшая доводилась ему двоюродной бабкой, которая из любви к внуку забрала заявление. Но год ему все равно дали. Чтоб не нервировал честных колхозников и не снижал поголовье крупного рогатого скота в нашем районе.

– Так давайте возьмем водки, выясним адрес этого внука по его фамилии и поедem лечиться, – воодушевленно сказал Панихидин. Сказав про водку, он с некоторым испугом посмотрел на дверь.

– До Ульяновки тут рукой подать.

– Заодно искупаемся и рыбку половим, – не заставил себя ждать Крестов. – Как в прошлый раз. – Он подмигнул Покойникову.

Покойников почесал бритый по уставу затылок и ничего не ответил. В прошлый раз на рыбалке он налился так, что утопил новую резиновую лодку Панихидина. Все это хорошо помнили. Но идея взять водки и куда-нибудь съездить пришла всем по душе.

– Взять водки и съездить, конечно, можно. За этим, как говорится, дело не станет, – продолжал развивать свою мысль Покойников. – Только вот фамилию его вспомнить нужно. Имя помню. Матвеем его все называли, а вот фамилия...

Он нахмурил лоб и приложил к нему руку, чтобы легче думалось, но это не помогало.

– Фамилия у него какая-то морская была.

– Как такая морская? – удивился Крестов.

– Вот такая, – ответил Покойников. – Да, именно морская и никакая другая. Помню известная такая фамилия и, главное, с морем связанная.

Все стали думать, предлагать варианты.

– Кораблев? – высказал свое предположение Погостов.

– Нет, точно не Кораблев.

– Крабов? Рубкин? Капитанов? Акулов? Брасов? Медузов? Галькин? Матроскин? Лодкин? Гальюнович? Бригантинов? – Все наперебой предлагали свои варианты. Даже больной Панихин на время забыл о зубной боли и тоже участвовал в отгадывании редкой морской фамилии. – Соленый? Ракушкин? Катамарян?

– Какой, к черту, Катамарян? Это уже не морская, а какая-то армянская фамилия.

– Ну и что, – обиделся Панихин. – Как будто среди армяней нет моряков.

– Рапанов? Океанов? Речкин? Волнорезов? – перечислял Погостов.

– Нет, не Волнорезов, – резко отреагировал Покойников.

– Вот растяпа, как я сразу не догадался – Буйков, – воскликнул Погостов с видом триумфатора и гордо посмотрел на Покойникова. Еще певец есть с такой фамилией.

– Во-первых, фамилия певца Буйнов, – сказал Покойников. А, во-вторых, опять не то. Вот крутится в голове что-то, а что не могу понять. – Он потер рукой широкий лоб.

– Может быть, Компасов?

– Вот дурак, – от души рассмеялся Покойников. – Ты еще скажи Секстантов.

Все замолчали, и в комнате наступила гнетущая тишина.

– Баркасов? Сейнеров? Ледоколов? Бакланов? Штурвалов?

– Нет, у того фамилия была простая. Известная такая фамилия. – Наступила тишина.

Через комнату пролетела большая зеленая муха. «Ж-ж-ж», – жужжала муха. Похоже было, что запас морских фамилий у приятелей постепенно иссяк.

– А я вот как-то в санатории с одной женщиной познакомился, – нарушил молчание Погостов. – Ничего себе женщина была. Вся из себя, такая объемная. – Он показал руками какая была женщина.

– Тьфу, будь ты не ладен, – в сердцах сказал Панихидин и скривился, держась рукой за больной зуб. – Тут хоть на стенку лезь, хоть в петлю, а он про черт знает что.

– Да я к чему, – оправдываясь сказал Погостов. – У женщины той фамилия была тоже морская. Как сейчас помню, Татьяна Александровна Бризова. Ничего себе женщина была.

– Гражданка Бризова нам, к сожалению, тоже не подойдет, несмотря на объемность, – ответил Покойников. – А, может быть, Турецкий?

– Нет, у того фамилия напрямую с морем была связана, а не через границу.

– Может, Бананов? Таблеткин? Причалов? Чайкин? Уж не Тельняшкин ли?

– Нет, не Тельняшкин.

– Румбов? Буксиров? Беломоров?

– Это уж какая-то папиросная фамилия, а не морская.

– Да, – согласился Крестов. – На папиросную она, конечно, больше тянет.

– Бычков? Сухогрузов? Рыбаков? Рыбкин? – фамилии снова посыпались как из рога изобилия.

Но все названные фамилии, как и предыдущие, были напроць забракованы Покойниковым.

– Вы все не то называете. Говорю ж вам – морская. А вы черт знает чего называете, – немного нервничая, сказал он.

– Ну, знаешь, тебе, братец, не угодишь. Мы ему тут такие фамилии предложили, а ему все не так, – разгорячился Погостов. Может быть, у него никакая и не морская фамилия вовсе, а сухопутная, и мы зря тут мозги ломаем.

– У меня в багажнике ящик водки лежит со льдом, – как бы между прочим сказал Крестов. – Водка хорошая, жаль будет, если пропадет.

Все как-то притихли и со скукой посмотрели на лежащего перед ними Панихидина.

Панихин, услышав про водку со льдом, заметно занервничал. Ему очень хотелось, с одной стороны, вылечить больной зуб, а, с другой, выпить с друзьями водки. Выпить водки хотелось больше.

– Давайте думайте, идиоты, мочи больше нет, – шептал он, прижимая подушку к больному зубу. – Черт бы побрал эту морскую фамилию. Тут башка, словно перезрелый арбуз, вот-вот лопнет, а они: один про баб, у другого, кроме статей уголовного кодекса, ничего в мозгах не осталось. Хоть водки выпить было бы, конечно, очень кстати, – подумал Панихин. – Может, и зуб уgomонится.

Но дома нализаться с утра ему никто не даст, он это знал абсолютно точно. Оставалось одно, сбежать из дома куда-нибудь на природу и там в спокойной обстановке вылечить больной зуб.

Между тем июньский день на улице был в самом разгаре. На горизонте поднимались далекие горные цепи с фоном из белых кудреватых облаков. На небольшом красивом лугу неподалеку от дома Панихидина мирно паслось стадо грязных поселковых коров. Они, не спеша, пощипывали травку, смачно неторопливо пережевывая ее, и, казалось, их нимало не заботило то, что рядом погибает в расцвете сил ни в чем не повинный хороший человек.

– Может, Лермонтов? – нарушил молчание Погостов.

– Але гараж? А может, Пушкин? – рассмеялся Покойников.

– Сам ты гараж, – обиделся Погостов. – Есть такой поселок на Черном море.

Зазвонил телефон у Погостова.

– Да, – сказал Погостов. – Блоки обязательно сегодня, а песок и отсеб завтра выгрузить прямо перед дачей.

– Вспомнил! – радостно вскрикнул Покойников. – Вспомнил! Песков его фамилия. Точно Песков.

– Это не морская фамилия, а какая-то строительная, – возмутился Крестов.

– Для тебя строительная, для меня самая что ни на есть морская. Я с женой на море всегда в поселке Витязево отдыхаю, под Анапой. Она очень песок любит. Там везде сплошной песок: в море, на пляже, на зубах и даже в плавках. Не верите, спросите у моей жены. Она подтвердит.

Аргумент возымел действие, тем более, что жена Покойникова Татьяна Петровна была женщиной серьезной и отличалась крутым нравом и дурным характером. Спрашивать, есть ли у нее в купальнике песок или нет, охотников не нашлось. Пришлось поверить мужу на слово.

Быстро помогли собраться «умирающему» Панихидину, у которого после того, как ему сообщили, что они едут пить водку в Ульяновку, зуб сразу перестал болеть, а лишь немного подергивал.

Через пятнадцать минут вся дружная компания в полном составе уже катила в машине по пыльной и жаркой дороге в Ульяновку, где жил после отсидки народный целитель с морской фамилией Песков. Про больной зуб Панихидина как-то сразу все забыли. Машину трясло на ухабах, а в багажнике Крестовского «мерседеса» на всякий случай лежали: два спининга, сеть, раколовки, резиновая лодка, подсачник, минеральная вода, лаваш, зелень, сумка с холодными закусками, баранья нога (на тот случай, если глупая рыба не пойдет в сеть), небольшой мангал, походный столик со стульчиками, тент на случай жары, две упаковки холодного пива и ящик водки. Четверым непьющим мужчинам на два дня вполне должно было всего этого хватить. К тому же в Ульяновке был магазин, в котором можно было без особого труда пополнить запасы в случае сильной на то нужды.

СЕМЕЙНОЕ СЧАСТЬЕ

Жили они душа в душу, как и подобает настоящим супругам. Он, как настоящий мужчина, делал для нее все: зарабатывал деньги, готовил, мыл, стирал, вытирал пыль, подавал завтрак в постель, следил за детьми, женой и тещей, лелеял ее, холил, ублажал, понимал, вникал, сочувствовал, сострадал, соблюдал моральный кодекс, сверлил, долбил, рубил, забивал в нужные места гвозди, ел, пил, мыл после себя посуду, играл в козла, регулярно пил пиво с водочкой в бане с друзьями, ремонтировал спортивный велосипед, курил, пуская дым кольцами, делал с похмелья зарядку с целью пропаганды здорового образа жизни, сморкался через левую ноздрю, заложив пальцем правую, экономил на парфюмерии – не брился, носил мерзкие рыжие усы и бакенбарды с целью отпугивания назойливых глупых женщин. Всегда удовлетворял прочие ее желания, которых было много. Был уверен, что он: интеллигентный, талантливый, красивый, сильный и умный. И, вдобавок ко всему, еще и добрый и щедрый.

Она отвечала ему тем же: не работала, не готовила, не стирала, не мыла, не сочувствовала, не сострадала, не следила за детьми, свекровью и мужем, не соблюдала моральный кодекс, не сверлила, не долбила, не пилила, не рубила, не забивала в нужные места гвозди, не играла в козла в обеденный перерыв, не пила пиво с водочкой с его друзьями в бане, не ремонтировала спортивный велосипед, не курила, пуская дым кольцами через нос, не сморкалась через левую ноздрю, заложив пальцем правую, не экономила на парфюмерии – брилась, не носила бакенбардов и рыжих усов, хорошо выглядела с целью привлечения к себе внимания назойливых глупых мужчин. Никогда не удовлетворяла прочих его желаний, которых было много. Всегда считала, что он: неинтеллигентный, бездарный, страшный, слабый и глупый. И, вдобавок ко всему, еще злой и жадный.

Так они и прожили всю жизнь в ладу и согласии.

КОМПОЗИТОР

Вам не приходилось встречаться с самодеятельными композиторами? Нет? Ну тогда вам очень крупно повезло. А мне, вот, приходилось.

Вызывает меня как-то мой начальник Меринов С. С. к себе в кабинет. Хорошее, естественно, в голову не придет. В кабинет к начальству охотников ходить мало. Его так и звали все за глаза – С.С. За доброту и чуткость по отношению к людям. В голове мысленно проиграл, за что меня можно «поощрить». Получилось, что очень даже много за что и даже более того.

– Ну, – говорю сам себе, – держись, Аллюров, наступил час расплаты за все содеянное.

Захожу в кабинет, смотрю на Меринова С.С. – начальника нашего любимого, а он мне сам навстречу руку протягивает, улыбается, приглашает сесть. Не по себе мне стало. Ой, не к добру, думаю, все это, не к добру. А еще мне ночью лошадь приснилась. Мне как лошадь ночью приснится – так все пиши пропало. Какая-нибудь гадость обязательно на мою голову свалится. В этот раз она, то есть лошадь, как-то странно себя вела. Снится, значит, мне, что иду я, вроде, по пустыне какой-то. Барханы кругом, саксаулы, аксакалы и еще много всякого другого разного. Рельеф, значит, пустынный, однообразный. Жара стоит такая, что воздух аж звенит. С меня пот в три ручья, и пить хочется до смерти. А вокруг ни речки, ни оазиса захудалого какого-нибудь, ни палатки пивной с тетей Дуней. Иду, значит, я по пустыне этой самой, тетю Дуню вспоминаю. Полная дикость нравов, думаю про себя. Хоть ложись и помирай в расцвете творческих сил. Это, наверно, после вчерашнего у меня такая сухость во всем организме возникла. Ну так вот. Вдруг вижу на горизонте колодец. Подбегаю к нему, набираю ведро чистой ключевой и холодной водицы и уже ведро прямо к губам поднес, как слышу сзади кто-то меня трогает за плечо. Оглянулся – стоит лошадь. И говорит мне: «Дай воды напиться, мужик». «Да погоди ты, лошадь», – говорю я ей и опять – к ведру. Вдруг она меня ни с того ни с чего по спине копытом как лягнет! Я проснулся утром, глянул – синяк размером с кулак, и даже

очертания подковы немного угадываются. Сажу на кровати и думаю: «Все, с ума сбрендил на почве хронической тяги к алкоголизму». Голова еще тоже сильно болела, хоть по голове вроде бы лошадь меня не била.

– Ты не можешь, Аллюров, сделать одно доброе дельце? – начальник цеха Меринов С.С. как-то сразу с места в карьер, обозначил тему беседы.

– Фу, – думаю, – пронесло. Значит, не за вчерашнее.

А вчера мы в депо подпили слегка, залезли на пассажирский вагон, что стоял на ремонте, и с двумя комплектовщицами станцевали канкан с элементами стриптиза. Вообще-то я, ни как другие, лазить по вагонам в нетрезвом виде себе не позволяю, а в этот раз расслабился что-то и полез. Правда, у меня оправдание было. Меня именинница сильно попросила. А я женщине отказать не могу, не так воспитан.

– Могу, конечно, – радостно отреагировал я на предложение начальника. – Хоть два.

– Нет, – говорит он, – два не нужно. Сделаешь одно – и то хорошо, – а сам загадочно улыбается. – Сходи завтра домой к пенсионеру, нашему бывшему бухгалтеру Уздечкину Моисею Захаровичу, мы его давно не проводывали. Передай привет и фрукты. Он, знаешь, у нас железнодорожник со стажем, так сказать, наша гордость, хранитель стахановских традиций. Пенсионеры ведь они, как дети. К ним без гостинца никак нельзя.

День выдался хорошим. Ничто не предвещало беды и только приснившаяся мне ночью нахальная лошадь немного меня беспокоила. Ближе к вечеру, взяв авоську с профсоюзными фруктами, я отправился в гости. Дул легкий теплый летний ветерок. Над Змейкой висело, словно нимб, облезлое серое облако. Стая ворон сидела на высоченных тополях, мерзко каркая, и нахально гадила прямо на стоявшие в тени деревьев дорогие иномарки. Дождь, надоедливый, как зубная боль, и ливший до этого всю неделю, наконец перестал. Солнце клонилось к закату. Настроение было приподнятое и слегка торжественное. Поднявшись на второй этаж, я позвонил в обитую толстым войлоком дверь.

– Если в такую дверь со всего размаха врезаться головой, то будет не больно, – с удовольствием отметил я, как

будто кто-то собирался бить меня головой о войлочную серую дверь. Послышалось сначала какое-то шлепанье, потом сухой кашель и лязганье запорной щеколды. Дверь мне отворил небольшой пузатенький гражданин в плюшевом халате и в тапочках на босу ногу.

– Так я уже целый час жду, – сказал он с грустью. – Совсем меня забыли. А было время, когда Уздечкина каждая собака в депо за сто метров узнавала. Тяжелое дело – пенсия, скажу я вам, молодой человек. Ох, тяжелое.

– Мося, – кто это там? – спросил с кухни низкий женский голос; оттуда же доносился запах жареной картошки и оладий. Судя по всему, это была пассия бывшего бухгалтера, которая суетилась на маленькой тесной кухне.

– Мосик, – обратилась она к мужу, не выходя с кухни, – пригласай гостя за стол, будем пить чай.

К слову будет сказано, выражение «попить чай» у нас ни к чему не обязывает и ни о чем не говорит. Нет никакой гарантии, что вместо чая вам на стол не поставят литровую бутылку с водкой, помидорчики с огурчиками, сальце, колбаску, котлетки, вареный картофель и много-много чего еще. И все это будет называться «попить чая».

Сели к столу, попили чай, говорили о политике с поименным перечислением всех нехороших людей в нашем правительстве и за рубежом. Потом постепенно, как водится, перешли на погоду. Пришли к единодушному решению, что она нынче все чаще дает сбой и уже не радует рядовых граждан, как это случалось в старые добрые времена.

– А как вы, молодой человек, к музыке относитесь? – неожиданно и склонив голову набок, как пристяжная лошадь, спросил Уздечкин.

– Хорошо, – сказал я, а про себя подумал: «Особенно в хорошем обществе и под хорошую закуску». – Я даже в музыкальной школе учился, – похвалился я Уздечкину. Правда, сообщать тот малоприятный факт, что меня оттуда поперли через месяц как человека, напроць лишенного музыкального слуха, я не стал. Кому какое дело, есть у меня слух или нет. А музыку я просто люблю. Собственно, в том удивительного ничего нет. У нас все любят музыку, как гарнир ко второму блюду.

– Ах, даже так, – удивился Уздечкин. – Это очень хорошо, коллега. Было видно, что он чем-то взволнован. Пройдя несколько раз из угла в угол, он потерял руки, как картежник в предчувствии хорошего куша.

– А хотите я вам песню свою новую спою, – спросил он, резко развернувшись ко мне и улыбаясь.

Вспомнилась приснившаяся ночью гнедая лошадь, улыбка которой мне чем-то напомнила улыбку композитора.

– Вы сами пишете песни? – удивленно спросил я.

– Да, – не без гордости сказал он и опять как-то странно посмотрел на меня, только теперь прищурился один глаз, словно на другой, как у пристыженной, у него была надета шора.

Не дождавшись моего ответа, бывший бухгалтер вальяжно подошел к пианино, которое, словно в конюшне, стояло в соседней узкой длинной комнате, накрытое какой-то плюшевой то ли скатертью то ли попоной. Меня даже удивило, почему к пианино с двух сторон не были прикручены стременина, а через крышку не перекинута кожаное скрипучее седло. Императорский халат хозяина был в нескольких местах покрыт пятнами. Он снял попону с инструмента, взяв наугад несколько мощных и сочных аккордов, проверяя инструмент на прочность, и запел.

Пел он заунывным козлиным голосом с легким бляением между куплетами. Минут через пятнадцать-двадцать Уздечкин остановился.

– Ну как? – спросил Мося, переводя дыхание.

– Здорово, – сказал я, чтобы как-то подбодрить пенсионера.

После этих слов я думал, что моя миссия вполне закончена, хотел вежливо попрощаться и выйти на свежий воздух, в котором к тому времени после порции козлиного баритона уже сильно нуждался. Но Мося императорским жестом остановил меня: «У вас, молодой человек, редкое в наше коммерческое время качество. Вы умеете ценить и, главное, слушать хорошую музыку». Он сделал акцент на слове «хорошую» и тут же спел подряд еще несколько бодрых мажорных песен на собственные слова, причем сделал это как-то особенно лихо, с хорошей амплитудой...

– А вы знаете, – сказал он, – хочу вам пожаловаться.

– На кого? – удивился я.

– На известного в стране композитора – некто Шаинского. Вы представляете? Он украл у меня песню.

– Да быть этого не может, – подскочил я на стуле. – С виду ведь порядочный человек.

– И тем не менее, – Мося развел руки в стороны. – Факт есть факт. Слышали песню? – Мося сел за рояль и запел:

Где-то станция есть под названьем Минутка,

Снизу кричат и поют поезда.

И на станции той нам легко разминуться,

Может быть, на минутку, может быть, навсегда.

– Представляете такую наглость – взял и написал мою песню. А кто он такой, Шаинский? Ведь он даже не железнодорожник (аргумент был убийственным).

– Да, действительно, – сказал я. – Разве можно писать песни про станции, не будучи даже хоть чуть-чуть железнодорожником, не овладев в полном объеме профессиями: стрелочника, осмотрщика или хотя бы башмачника. Это верх цинизма и хамства.

Мося пожал мне руку и снова сел за инструмент.

Пытка музыкой продолжалась два часа. Маэстро беспощадно терзал пианино справа налево и слева направо, то запрокидывая голову назад, то снова опуская ее на клавиатуру, как бы пропуская через себя звучание каждой даже самой второстепенной ноты. И вдруг, совершенно неожиданно, возродившись, как птица Феникс буквально из пепла, вновь начинал отмолачивать по клавишам двумя руками, словно рубил дрова.

– Эта пьеса, – сказал он, отдышавшись, – называется «Ударная плавка». Ее я писал целый год по ночам. Я вообще, молодой человек, в своем творчестве прославляю труд простых людей: сталеваров, шахтеров, доярок, железнодорожников.

Мне почему-то стало жалко бедных, ни в чем не повинных соседей, этих милых людей, пьющих на ночь кефир для улучшения работы желудочно-кишечного тракта, переходящих улицу только на зеленый свет светофора и не имеющих никакого отношения к сталелитейной промышленности, а также к железнодорожному транспорту. Наверняка эти бедные, лишенные сна люди писали длинные жалобы в ЖЭК с

целью удаления за черту города прокатного стана со всеми его домнами, мартенами, конвертерами и плавящими чугуном по ночам передовыми сталеварами. Но, судя по счастливому лицу композитора, ЖЭК их требования счел незаконными.

В углу остывало раскаленное пианино, а из-под клавишной крышки, как из-под капота закипевшего автомобиля, поднимались струйки пара. В комнате было душновато, и пар, выпущенный наружу композитором, тоже не делал климатическую ситуацию лучше.

– На воле сейчас хорошо, – с тоской подумал я, глядя в грязное, давно не мытое окно, между стеклами которого висели в паутине дохлые мухи. Там, за окном, не было перепачканных угольной пылью шахтеров с кирками и лопатами наперевес, не было там и передовых маркшейдеров и негибаемых доярок с огромными присосками автодоилок. Не было там и вездесущих с активной жизненной позицией железнодорожников, которые так и норовили перевыполнить план или закончить пятилетку в четыре года. Там не было опостылевшего мне до одурения Моси, который наверняка уже заканчивал арию дежурной по станции в будущей оперетте на железнодорожную тему «Лихой перегон». Хотелось выйти и больше никогда не заходить в этот дом, в этот подъезд и даже на эту улицу, где все так пропитано бодрящим мажором гениального маэстро. Ситуация осложнялась еще тем обстоятельством, что Мося забаррикадировал входную дверь своей квадратной женой. Она сидела в коридоре на табурете в полосатом, как арестантская роба, халате и с умилением и легким юношеским восторгом смотрела на гениального мужа. Между тем неутомимый не по годам Уздечкин снова «оседлал» еще не остывший инструмент и словно заправский ковбой вскочил в кожаное седло; натянув уздцы и поставив дикого мустанга на дыбы, он дал ему шпорами под бока и унесся, словно торнадо, закручивая за собой клубы аризонской вонючей пыли и постреливая вверх из девяти-миллиметрового Смит-Вессона. Мне опять вспомнился ночной кошмар, и стало ныть в том месте спины, где остался след от лошадиной подковы.

– Битва за урожай, – сообщил композитор, подняв для убедительности вверх указательный палец. – Правда, пьеса еще немного сыровата и не закончен финал. Мы будем слушать ее, так сказать, в усеченном виде. – Он ехидно хихикнул. – Но, я думаю, один небольшой фрагмент нам не повредит.

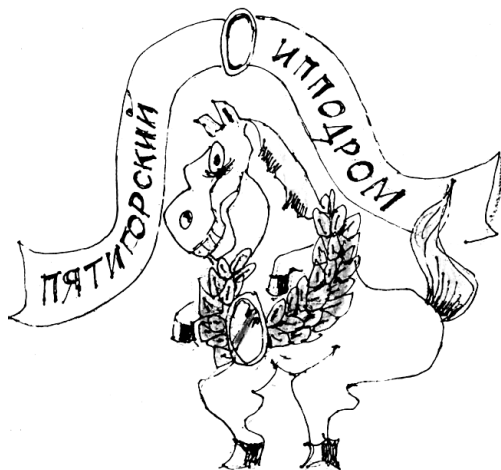
К сожалению, я не мог сказать про себя, что эта музыка мне не была вредна. Предыдущее произведение нервно-паралитического действия нанесло моему организму достаточно существенный урон.

«Сейчас начнется. Соло для нафталина с оркестром», – с ужасом подумал я. Из горестных размышлений меня вывел очередной аккорд, похожий на залп роты гвардейских минометов. Битва за урожай началась. Все пути к отступлению были отрезаны. Узкая форточка прямо рядом со мной, в которую я мог бы легко пролезть в пятом классе, для меня уже не годилась. Сильно хотелось жить и покинуть поле боя, пусть даже раненым, контуженым, но живым. Признаки душевной контузии были налицо. Залп следовал за залпом. Судя по реву, в бой была брошена тяжелая бронетехника, которая, сминая оборону ошалевшего противника, давила его передовые позиции гусеницами танков и самоходных орудий. Где-то за лесом бодрым ритмом, словно азбука Морзе, строчил пулемет, прикрывая наступающую пехоту на правом фланге. «Пау, пау, пау» – выли в небе осколки мин, разрывая летнюю ночную тишину.

Воспользовавшись наступившей прямо во время боя темнотой я ползком, стараясь себя не демаскировать, по поросшему кустарником ручью прополз к ванной комнате. Осторожно осмотрелся, стараясь ни дыханием, ни лишним движением себя не выдать. В лагере противника мой маневр остался незамеченным. Снова где-то неподалеку раздавалось цоканье копыт. Это прошел бешеным аллюром конный эскадрон, обходя противника с фланга и не давая ему рассеяться в лесах.

«Гранаты в руки, – подумал я, – и броском к двери. Живым не сдамся. Кажется, у меня в обойме еще остался один патрон... для себя. Уж лучше смерть, чем плен и музыкальные пытки».

Обувался я на улице за углом. Уже стемнело, ночная летняя прохлада спустилась на боевые позиции. Шум боя затих. Слышно было, как в акациях, уставших от летнего зноя, трещали одинокие цикады, прямо как в мирной, такой уже далекой жизни. С опаской оглядевшись, нет ли поблизости патруля маркшейдеров и шахтеров, а также комбайнеров в танкистских шлемах, а заодно и доярок, выносящих с поля боя раненых сталеваров, я прошел через знакомый с детства перекресток. Все тихо. Кажется, проскочил. Усталой походкой я повернул к аллее и пошел в свой родной в три наката блиндаж, чтобы заснуть там мирным и безмятежным сном. Лошади мне больше никогда не снились. А к композиторам с тех пор я отношусь с опаской.

ДЫРКА ОТ БУБЛИКА

В кабинете главного редактора журнала «Курортные вести» было накурено. За столом сидел плотный коротконогий человек средних лет в модной полосатой двубортной тройке и курил длинную и толстую, как свиная сарделька, гаванскую сигару. Сигара была похожа на дымящийся дирижабль «Италия», готовый вот-вот рухнуть на ледяные торосы Арктики. Он с упоением курил, пуская профессионально дым кольцами в потолок и одновременно любуясь открывшейся за окном панорамой пятиглавого Бештау в облаках. Снежные лысины на склоне горы смотрелись, конечно, не так мощно, как арктические ледяные поля и торосы, но все равно картина впечатляла. Звали главного редактора Бакланов Маркел Маркелович. Сотрудники за глаза называли его просто бакланом. Он был мужчиной средних лет, низкого роста, с небольшим пивным пузцом, толстыми женскими губами, поросячьими маленькими глазками и картошкой вместо носа. Бакланов со своей внешностью на роль романтического героя-любовника явно не претендовал, хотя среди сотрудников пользовался уважением за профессионализм. Если прибавить к этому арсеналу еще пару жилистых лопухих ушей, то портрет руководителя можно считать полным и вполне законченным. Поверх дорогой батистовой рубашки располагались широкие подтяжки, скрещенные на массивной, как платяной шкаф, спине. Неожиданно дверь открылась, и внутрь кабинета проник неказистый лысоватый мужчина лет сорока, одетый в недорогой поношенный костюмчик, не очень хорошо выглаженную рубашку, к которой совершенно не шел галстук в белую крапинку. Под мышкой он держал толстенную коричневого цвета потертую кожаную папку для документов. Черные нечищенные ботинки сиротливо смотрелись на худых ногах владельца. На одном ботинке был не завязан коричневый шнурок, который, словно присосавшаяся к ботинку пиявка, волочился сзади.

— А, это ты, Хрюкин? Ну заходи, если пришел, — обрадованно сказал редактор, почему-то потирая при этом руки. — Прочитал твой последний опус. Ну про этого. Ну сам понял про кого. Хорошо, но, — редактор эффектно щелкнул

в воздухе двумя пальцами, словно кастаньетами, практически прямо перед носом Хрюкина, – не наш профиль. Мы политикой не занимаемся. Да и не время еще. Сейчас могут неправильно понять. До выборов еще очень далеко.

– А мне кажется, Маркел Маркелович, что материал как никогда актуален и нужен именно сейчас, когда ретрограды снова пытаются повернуть колесо истории вспять. Вся страна встала на борьбу с коррупцией, и мы не можем стоять в стороне.

Сказав это, Хрюкин гордо выгнул колесом впалую без признаков мускулатуры грудь и став в третью позицию, выставил вперед худую левую ногу.

– Ну вся страна встала на борьбу с коррупцией, а я пока нет, – вставая из-за стола, сказал Бакланов. – Я калач тертый и живу по принципу «Получил приказ, не спеши его выполнять, потому что его могут отменить». Ты, Хрюкин, на меня не обижайся, я понимаю, что тебе деньги очень нужны, а коррупция – это лишний повод их заработать. А кроме, как писать материалы по выборам, делать больше толком ты ничего не умеешь, да и не хочешь. Выборы тебя избаловали легкими деньгами. Сейчас половина журналистов этим кормится. Торговать своими принципами стало очень модно. За что платят, про то и пишут. Очень удобная позиция. Я сам отдал журналистике сорок лет. Всякое видел. Но извини! Пустить этот материал не могу. А вдруг его, несмотря на всенародную борьбу с коррупцией, все же выберут? Что тогда будем делать? Молчишь? Знаешь, что он нам всем за это сделает? – Бакланов язвительно посмотрел на Хрюкина. – И тебе, между прочим, первому, – тыча указательным пальцем в тощую грудь Хрюкина, – сказал Бакланов.

– Не выберут, Маркел Маркелович. Что у нас люди дураки совсем?

– Во-первых, если хочешь знать мое мнение, то наши люди именно дураки. Этот факт не подлежит даже обсуждению. А, во-вторых, на моей памяти и не таких выбирали.

Говоря эту фразу, Бакланов опять затянулся дорогой сигарой и выпустил небольшое сизое облачко сигарного ароматного дыма, сделав губами небольшие пуки. После этой процедуры он опять посмотрел в окно и, видимо, вполне до-

вольный собой без жалости отправил дымящийся окурок изо рта в урну, предварительно потушив его в горшке с засохшей геранью.

– Ты вот что сделай, Матвей, – сказал он, панибратски обращаясь к заскучавшему Хрюкину и обнимая его за худые плечи, на которых пиджак висел, как на колу. – Напиши что-нибудь от души. Плюнь ты на эту политику. Напиши про природу, про любовь в конце концов. Как, кстати, у тебя с этой рыженькой с третьего этажа?

– Мы с ней поссорились несколько дней назад, – ответил Хрюкин, немного сконфузившись от того, что редактор знал про его интрижку.

– Ну ничего, помирись еще, – по-отечески сказал главный.

– Не хочу я с ней мириться. Хватит, натерпелся. Что я ей мальчик? Пусть себе другого дурака найдет и ему мозги делает. Еще обзывается, – в сердцах выпалил Хрюкин.

– А как она тебя обозвала? – поинтересовался редактор.

– Супердосом и нудным дятлом. Причем дятлом два раза подряд.

– Правильно, – сказал Бакланов после небольшой паузы.

Не понятно было только, к чему относилось слово «правильно». То ли он одобрял то, что рыжая подружка обозвала Хрюкина нудным дятлом, то ли он одобрял brutальный поступок самого Хрюкина.

– И еще она меня Стасом Михайловым достала. Говорит, что у него все для женщин, и что он тонко понимает женскую душу. А меня лично от его песен просто тошнит. Тоже мне нашелся знаток женских душ.

– Не мирись. Мириться после этого уже поздно. Бесплезное дело. – Редактор загадочно подмигнул Хрюкину. – Есть золотое правило – никогда не нужно бегать за женщинами и трамваями.

– Почему? – спросил несколько растерянно Хрюкин.

– Потому что через несколько минут подойдет следующий трамвай, – Бакланов рассмеялся.

Хрюкин задумчиво посмотрел на свои нечищенные ботинки и на незавязанный шнурок, но завязывать его принципиально не стал. Он считал внешность не главным в мужчине.

– Духовность – вот главное в современном мужчине, – подумал Хрюкин, стоя возле письменного стола редактора, заваленного бумагами так, словно это был пункт приема макулатуры. Похоже было, что на этом столе порядок не наводили уже много лет.

– Женщины никогда не понимали талантливых людей. Они не способны постичь и увидеть великое. Они хорошо понимают две вещи: шмотки и деньги. А где духовные ценности? Где, я вас спрашиваю? Олигархов им всем подавай, – продолжать размышлять Хрюкин.

Из грустных философских размышлений его вывел бархатный голос редактора:

– Ну не хочешь про любовь, напиши что-нибудь историческое. Помню твой последний материал про золото Чингисхана, зарытое в кургане в окрестностях с. Бородыновка. Какая была волна писем читателей с предложением срочно организовать археологическую экспедицию, создать фонд поддержки малоимущих граждан, найти клад, а деньги поделить между учредителями. До скандала дошло. Приятно вспомнить. У нас тогда тираж хорошо поднялся.

Бакланов опять посмотрел в окно на величественный горный массив, на вершине которого по-прежнему немного закрытая тучами виднелась все та же небольшая грязно-белая снежная лысина. Стояла ранняя весна, и курортников

в санаториях было мало. Все это било по тиражам курортных газет и журналов.

– Отдыхающие что-то реже стали приезжать на Кавказские Воды, – размышлял вслух Бакланов. – По терренкурам не бегают, водичку пить не желают, на экскурсии их калачом не заманишь, за женщинами не ухаживают, в рестораны не ходят, сувениры не покупают. Вот, Матвей, и отрази проблемку диалектической, так сказать, в лучших традициях русской классической литературы. Свяжи это с нашей богатой, овеянной дыханием веков историей, с лакколитами всевозможными, новыми интересными туристическими маршрутами по родному краю, которых, по правде сказать, ни хрена нет, да и быть не может, флорой и фауной, живительными струями целебных минеральных источников. Добавь немного реальных интересных исторических персонажей, юмора с сатирой. Курортники любят шутки. У нас тоже есть над чем посмеяться. Вон французы смеются над Эйфелевой башней, и ничего – стоит, ржавеет себе потихонечку.

– Да, собственно, я и сам думал над этим, Маркел Маркелович, – озабоченно почесывая затылок, сказал Хрюкин. – Что, к примеру, Ильф и Петров написали о Пятигорске? Ровным счетом ничего. Ну стоял Остап Бендер возле Провала и продавал билеты местным милиционерам. Ну и что тут смешного? Милиция должна не по провалам бегать, а преступников ловить. А если милиция преступников не ловит, то это уже не смешно. Зощенко тоже фрукт оказался. Целый год у нас здесь жил, даже на железнодорожную ветку Минеральные Воды – Кисловодск устроился кондуктором. Цистерну нарзана выпил и ничего не написал. Свинство просто какое-то. Плевков в душу со стороны советской сатирической литературы. А ведь мог бы, если б сильно захотел. Проявил, так сказать, политическую близорукость. Дух времени не отразил.

– Да, с духом времени у нас по-прежнему слабо, – согласился Бакланов. – Гоним все на потребу мещанам. Забы-

ли, что есть классика, титаны, метры: толстые, Достоевские, Пушкины, куприны, тургенева.

– Лермонтовы, на крайний случай, – робко вставил Хрюкин.

– А почему Лермонтовы на крайний случай? – удивленно поднял брови Бакланов. – Ты, братец, не перегибай.

– Да понимаю я, Маркел Маркелович, – сказал Хрюкин, глядя при этом себе под ноги, как нашкодивший школьник, которого вызвали в кабинет директора для расправы. – Это просто личное. Можно даже сказать, интимное. Не люблю я Лермонтова с некоторых пор. Сильно не люблю.

– И давно это у тебя нелюбовь такая к классику, Матвей, – спросил Бакланов, подходя к холодильнику и доставая оттуда бутылочку минеральной воды. – Даже интересно, чем же он тебе так не угодил? Всем, видишь ли, угодил, а Хрюкину – нет. Просто глупость какая-то.

– Да никакая не глупость, Маркел Маркелович, – ответил, оправдываясь, Хрюкин. – Просто поэт М. Лермонтов – любимый писатель моей бывшей жены. Два года назад мы с ней благополучно развелись.

– Из-за Лермонтова? — перебил Бакланов.

– Да нет же. Лермонтов тут ни при чем. Разошлись мы из-за ее невыносимого характера, феминизма и мужчин, которые постоянно для чего-то возле нее крутились.

– Ну, я теперь совсем ничего не понимаю? – Бакланов непонимающим взглядом смотрел на Хрюкина.

– Ну как не понимаете, Маркел Маркелович? Все же ясно как день. Мы с этой воинствующей феминисткой разошлись. Не можем же мы после развода любить одного и того же поэта, – сказал Хрюкин. – Вот я теперь его и ненавижу.

– А ты сколько раз женат был, Матвей? – спросил Бакланов, внимательно разглядывая грязные, стоптанные ботинки Хрюкина.

– Три, – без запинки ответил Хрюкин.

– И все эти несчастные женщины были скандалистками, мецанками и феминистками с явно выраженной нимфоманией?

– Да, Маркел Маркелович. Все. – Хрюкин растерянно смотрел на Бакланова, который, судя по выражению лица, был несколько шокирован откровениями своего коллеги. – Просто заколдованный круг какой-то, – продолжал жаловаться на жизнь Хрюкин. – Не везло мне на хороших женщин.

– Да, – сказал редактор. – Причем не везло взаимно. А ты не пробовал, Матвей, в женщинах поискать что-нибудь другое, помимо феминизма и нимфомании?

– Пробовал, – серьезно ответил Хрюкин. – Не получается. Ничего хорошего в них нет. Одно лицемерие, притворство и желание влюбиться в какого-нибудь богатого осла.

– Понимаешь, Матвей, – редактор положил ему руку на плечо, – женщины не так просто устроены, как тебе кажется. Совсем не просто. Они и на то, как одет мужчина смотрят, какое положение в обществе занимает, жадный или нет, как держит себя, и на многое другое. А потом, если ему повезет, женщины будут заглядывать в его глубокий внутренний мир. Похоже, что до второй части отношений с прекрасным полом ты так ни разу и не дошел, потому что начинал буксовать уже на первой. Про любовь писать пока тебе не надо. После трех разводов, я думаю, ничего путного ты не напишешь. А ботинки почисть и костюмчик обнови. Значит, ты Лермонтова ненавидишь жене назло?

– Да, – ответил Хрюкин. – Именно назло!

– Ты же исторический заканчивал, кажется? – поинтересовался редактор.

– Да, Маркел Маркелович, истфак КГУ, почти отличник, – отрапортовал Хрюкин.

– Значит, с историей у тебя дела обстоят, будем надеяться, лучше, чем с женским полом, – высказал предположение Бакланов. – Про оваянную дыханием веков историю Пятигорска писать будешь? – редактор серьезно поверх очков посмотрел на Хрюкина, как профессор на нерадивого студента, уклоняющегося от сдачи зачетов.

– Буду, Маркел Маркелович. – Хрюкин, как заправский солдат, вытянул руки по швам. – Все брошу, а вас не подве-

ду. Через три дня материал будет у вас на столе. Только аванс было бы хорошо дать под овсянную дыханием веков историю. Сiju без средств к существованию уже месяц.

– Аванс, я конечно, могу дать под овсянную дыханием веков многострадальную историю, но и под живительные струи тоже, – сказал, улыбаясь, Бакланов, доставая деньги из кармана пиджака.

– Под какие такие струи? – не понял аллегии Хрюкин, беря аванс и быстро кладя деньги в карман.

– Под живительные струи, Матвей, целебных минеральных источников. Какие же еще у нас еще могут быть струи?

Придя вечером к себе домой, Хрюкин сразу же сел писать. Длительный период работы на выборах лишил его творческую от природы натуру нужного потенциала. Ничего путного в голову, как назло, не лезло. От нескольких заманчивых сюжетных линий, в которых принимали участие всемирно известные исследователи Кавказских Вод такие, как Славянов, Смирнов и русский топограф, альпинист и покоритель Эльбруса Пастухов, пришлось сразу отказаться. Широкие слои читателей, в силу занятости, а также из-за засилья американской примитивной культуры в прокисших от длительного простоя мозгах просто-напросто уже не помнили этих выдающихся имен. Внезапно уже ближе к полуночи у Хрюкина возникла хорошая идея в современном духе. С целью заинтриговать читателя и привлечь в регион дополнительные инвестиции можно было переместить действие романа «Анна Каренина» в дореволюционный Пятигорск, где Анна, красивая молодая женщина с сердцем, открытым для большой и чистой любви, лечит застарелую язву двенадцатиперстной кишки при помощи чудодейственных струй знаменитых на весь мир источников. Анна – жена преуспевающего банкира, но, несмотря на это, патриот своей родины и поэтому всегда предпочитает наши отечественные курорты Баден-Бадену и Карлови-Вари. Чтобы не травмировать знатоков классической литературы, можно было дать героям другие имена и фамилии. На Пятигорском ипподроме Анна Каренина, она же Подколесина, случайно знакомится с кра-

78

сивым офицером Вронским, в новой версии Круподеровым. Их неудержимо с первой же роковой встречи у Эоловой арфы на фоне грандиозной панорамы Главного Кавказского хребта тянет друг к другу.

Ее муж, старый, несимпатичный человек, страдающий астмой и подагрой, по профессии банкир, в то самое время, когда Анну и Круподерова тянуло в омут любви, «кушал» в московском дорогом ресторане водочку, закусывая ее осетринкой, грибочками, икоркой и ни сном ни духом не чувствовал приближения нехороших для себя событий. Чувства Подколесиной-Карениной и Вронского-Круподерова подпитываются благотворным действием на организм лечебных минеральных источников, целебным южным воздухом и трехразовым диетическим питанием в местном ресторане второго разряда, а также семнадцатью горами-лакколитами с поэтическими названиями Верблюдка, Змейка, Бык, Кинжал, Лысая и другими лакколитами, так живописно описанными ненавистным для Хрюкина поручиком М. Лермонтовым в романе «Герой нашего времени». Великолепная, нетронутая человеком природа и чарующий романтизм южных темных ночей способствуют развитию нежных любовных отношений. Влюбленный по уши Вронский, не жалея казенных денег, которые он без лени берет из полковой кассы расквартированного в Пятигорске драгунского полка, проводит свободное время с Анной в дорогих ресторациях и на загородных пикниках с цыганами, специально выписанными сюда из Москвы. Для интимных свиданий он снимает номер «люкс» в гостинице «Империял». Технический прогресс и модернизация проникают и на задворки великой империи Кавказские Минеральные Воды. Здесь строится первая в России гидроэлектростанция под названием «Белый уголь». В том роковом для семьи Карениных-Подколесиных 1903 году в г. Пятигорске был пущен первый в России трамвай. Именно под него и угодила счастливая Аннушка, когда вечером возвращалась с очередного свидания с Вронским из гостиницы на Царской улице. Улицы в дореволюционной России, как и сейчас, очень плохо освещались, и Пятигорск был не исключением.

В этом месте Хрюкин, в душе которого еще не заросла рана, нанесенная рыжей сотрудницей с третьего этажа и по этой причине временно ненавидевший всех женщин, которые изменяют своим законным мужьям, с большим удовольствием отправил бедную Аннушку под колеса курортного ночного трамвая. Сначала он хотел отрезать трамваем ей только одну ногу, но, хорошо подумав и вспомнив свою недавнюю семейную жизнь, в которую тоже часто вмешивались посторонние харизматичные мужчины, в том числе и военные, решил вопрос более современно и жестко. Бездушным трамвайным колесом Анне отхватило обе ноги. Месть была жестокой, но справедливой. Отомстив таким образом за все свои неудачи в личной жизни, Хрюкин остался очень доволен собой. С личной жизнью Анны было покончено, и он взялся за Вронского. Подлец, бабник и картежник Вронский-Круподеров, естественно, не желал больше любить женщину с протезами вместо ног. Он бросает ее на произвол судьбы в тяжелом и безнадежном положении и под покровом южной ночи скрывается с остатками полковой кассы в мрачных, кишасящих шакалами теснинах и ущельях реки Аликоновки, поросших диким шиповником, орешником и густым березовым криволесьем, а также субальпийским разнотравьем. Именно здесь находился в то далекое и смутное время знаменитый каскад из пяти Медовых водопадов, а также огромное количество живописных гротов, экзотических скал и пещер. Все это в совокупности давало возможность Вронскому-Круподерову укрыться в этих диких ландшафтах природы от мести ревнивого до неприличия мужа, а также правосудия в лице военного трибунала.

– Прекрасно, – размышлял вслух, сидя на кухне мало-семейной общаги, Хрюкин. Последние два года жизни он провел в общаге, так как двухкомнатная квартира исчезла вместе с третьей женой.

– Этот сюжет принесет мне славу и много денег, – думал в ночной общаге Хрюкин, попыхивая папироской. – Да, известность и, самое главное, деньги.

Да, денег действительно было катастрофически мало. Вернее сказать, их не было совсем. Именно по этой причине Хрюкин возлагал большие надежды на свой опус.

Но уже ближе к утру, когда оставалось какая-то малость, чтобы закончить этот сюжет и привести увлекательное действо к финалу, Хрюкин вдруг неожиданно понял, что он опять написал что-то не то. В конечном итоге после бесчисленных сомнений и терзаний от этого заманчивого сюжета к утру тоже пришлось отказаться. Главная причина была в том, что на первом месте как-то неожиданно оказывалась чужая частная жизнь аморальных граждан без идеалов, а не достопримечательности Кавказских Вод. Не живительные струи полезной для организма минеральной воды и не древняя оваянная веками история региона, а именно личная и, к тому же, не очень счастливая жизнь. Кого удивишь нынче отрезанной трамваем ногой и брошенной в беде несчастной влюбленной женщиной. На такие пустяки уже давно внимания никто не обращает. Хрюкин загрустил. Нет, безусловно, у героев его рассказа были идеалы. К примеру у Вронского-Круподерова это: лошади, женщины, вино, карты и деньги. Но это были не те идеалы, о которых Хрюкин разговаривал с Баклановым, на которые он получил аванс и которые проповедовали: Достоевские, куприны, тургенева, гоголи и даже ненавидимый Хрюкиным поручик М. Лермонтов. Нужна была новая хорошая идея. Но ее-то, как назло, и не было. К утру кончились сначала, как и водится, сигареты, потом пиво и даже чай. Налицо были все аспекты творческого кризиса. Хрюкин с грустью смотрел на пустые бутылки из-под пива.

– Пиво стало какой-то дрянью, – думал он. – Раньше пьешь пиво, и душа радуется, а теперь не пиво, а бутылки с химическими реактивами. Солод из Германии, консерванты из Швеции, вода местная из Юцкого месторождения с илом. – Хрюкин посмотрел в окно. Из окна его кисловодской общаги в утренних лучах ленивого мартовского солнца были видны отроги Бургустанского хребта, в котором мудрой матушкой природой 30 тысяч лет назад было проделано красивое отверстие, названное впоследствии каким-то самозванцем горой Кольцо.

– Бедные туристы, – подумал с грустью Хрюкин, глядя на груду пустых пивных бутылок в замусоренном углу. – По-

чему я должен заставлять вас вместо хорошего вина пить насильно невкусную минералку или вонючий нарзан.

Сам Хрюкин минеральную воду никогда не пил. В молодости во время своего проживания в г. Ессентуки он любил ходить утром к источнику № 4 и, попивая соленую до омерзения воду, «лечить» больную голову. Другого применения целебным источникам он не понимал.

– Показывают наивным отдыхающим какую-то дырку от бублика и говорят, что это гора Кольцо. Это смешно и цинично одновременно. При этом берут за показ неплохие деньги. И это только за то, что здесь якобы бывали какие-то известные личности. Ну и что с того, что в эту дырку любовался сам граф Толстой, Маяковский, Куприн, Бестужев-Марлинский, В. Ф. Одоевский, Пушкин, Крупская, Шаляпин и даже Сергей Миронович Киров. Мало ли в России дырок, в которые смотрели и смотрят знаменитости. Что ж теперь прикажете возле всех этих дырок музеи сделать и деньги брать за показ?

– Еще, гляди, и камень может сверху упасть на голову, – продолжал размышлять Хрюкин. – Все экскурсоводы только об этом и твердят. Хоть бы каски что ли перед осмотром выдавали. – Хрюкин представил себе туристов в касках апельсинового цвета, поднимающихся к г. Кольцо.

– Уважаемые товарищи! – пародируя экскурсовода и приложив согнутые трубочкой ладони ко рту, кричал Хрю-

кин. – Гора Кольцо – памятник природы. В настоящее время он разрушается, – говорил он, слегка гнусавя, подражая плохим манерам местных экскурсоводов, – под воздействием неумолимых экзогенных геологических процессов и благодаря загрязнению окружающей среды. Большая просьба – не трогать памятник грязными руками, не откалывать на сувениры слишком большие куски и, главное, товарищи, не мусорить.

Сказав это, он опять подошел к окну.

– А почему не мусорить? – возмущенно прокричал Хрюкин, высунув стриженную под бобрик голову в форточку малосемейки, расположенной на пятом этаже. – Почему это не мусорить, если этим мусором завалены все окрестности? Одной тонной больше, одной тонной меньше, какая разница?

Хрюкин вытащил голову из форточки, наверно подумав, что это лишнее в шесть часов утра и можно разбудить соседей. Забравшись на табурет, как на трибуну, он продолжил:

– Почему, собственно, не мусорить? А я лично хочу мусорить. И я буду мусорить. Все равно ведь не убирается ни хрена. При коммунистах грязища была, при царизме тоже намучились в этой тюрьме народов, теперь вот демократы тоже мусор не вывозят. И на Медовых водопадах, где скрывался бедолага Вронский-Круподеров, тоже ведь грязи и мусора хватает. Как он там только выжил, бедный?! И никому до этого нет никакого дела. А на верхушке Бештау, между прочим, военные прилепили какой-то ларек и загородили его колючей проволокой. А дороги на Кавминводах, и особенно в Пятигорске, хуже чем при Александре Втором, потому что их не ремонтируют. А депутаты куда смотрят? Выбирают их, выбирают, а толку никакого все равно нет. Как валялся мусор везде, так и валяется.

Прокрутив в голове последнюю фразу, Хрюкин как-то странно улыбнулся, слез с табуретки, подошел к ноутбуку и аккуратно записал все сказанное. Сделав это, он ощутил чувство удовлетворения, как после получения денежной премии. На прошлых выборах он хорошо заработал, купил себе новую куртку, сапоги и жил на эти деньги полгода. Хрюкин любил выборы. Ему нравилось выливать грязь на головы од-

них кандидатов по заказу и за деньги других. Самым приятным в этом было то, что за это еще прилично платили.

– А коррупция в эшелонах власти? – он продолжал размышлять вслух. – Куда смотрит общественность и прокуратура?

Фразы одна за одной вытекали из головы Хрюкина и ровно ложились на белый лист. Сев на своего любимого конька, он снова почувствовал прилив сил и творческое вдохновение.

– Ну их к черту, эти лакколиты, реликты, батолиты, какие-то грязевые ванны, Тамбуканы и живительные струи целебных профсоюзных источников, – думал он. – Аванс потом верну, когда деньги появятся. Напишу лучше статью на тему выборов. Народу это ближе. Тем более и название хорошее подвернулось – «Дырка от бублика». В этом названии есть что-то исконно русское, исконно наше. Это, как кукиш. Его можно смело вставить в герб, провести референдум, и граждане герб утвердят.

Он тут же представил себе обманутых очередным кандидатом плохо одетых избирателей, стоящих в длинной очереди по перерасчету коммунальных услуг.

– По грязной улице, – писал он, – рядом с людьми бегали бездомные и такие же голодные собаки, а холодный северный ветер уносил вдаль полиэтиленовые пакеты и обрывки старых газет, а сорванные и уже никому не нужные предвыборные плакаты с портретами кандидатов лежали в темных осенних лужах, сжавшись то ли от холода, то ли от стыда.

Заключительная фраза, безусловно, удалась, и на измученном длительным безденежьем лице Хрюкина засияла слабая усталая улыбка.

ДЫРКА В ЗАБОРЕ

Идея заказать дубликат сейфовых ключей была не новой, но навязчивой. Все городские ключники, как будто сговорившись, наотрез отказались изготовить мне дубликат для старого, но надежного засыпного сейфа, доставшегося мне по наследству, мотивируя свой мерзкий поступок отсутствием каких-то там заготовок. Не знаю почему, но я им не верил. Эти люди не брали у меня деньги, которые я им подсовывал за работу, и, мотая головой в знак полного несогласия, уходили, наслаждаясь моей полной беспомощностью дилетанта, не умеющего держать в руках напильник и надфиль. Может быть, они думали, что я следователь местной прокуратуры и ищу человека, который запросто может изготовить ключи для любого сейфа, чтобы тут же, накинув ему на руки наручники, упрятать его в сырую малогабаритную камеру, повесив на него все нераскрытые взломы несгораемых касс за последние тридцать лет, а заодно и квартирные кражи, совершенные при помощи отмычек. Видя мои многодневные мыканья и мытарства с этими дурацкими ключами, знакомый посоветовал сходить на предприятие, которое, кстати, располагался неподалеку от моего дома. Я решил последовать его совету. День выдался погожим, светлым и каким-то оптимистическим. Не смотря на то, что календарь показывал последнюю неделю октября, было тепло, сухо и как-то совсем по-летнему радостно на душе. Мой пушистый котик, тоже радуясь теплоте дню, лежал на крыше, закрыв от удовольствия один глаз и подставляя свои откормленные и ленивые серые бока благодатному воздействию ультрафиолета. Путь мой пролегал через железнодорожное полотно, в простонародье именуемое просто «железка». Группа трудящихся в оранжевых жилетах, менявших старые шпалы на новые, ловко орудовала кувалдами, щипцами для шпал и отточенными кирками, которые блестели на солнце, словно самурайские мечи. Старые шпалы куда-то очень быстро увозили какие-то люди на тракторе, при этом озирались по сторонам. Неподалеку стоял солидного вида мужчина и внимательно считал количество увезенных налево шпал, записывая все в блокнот.

Подойдя к заводским воротам, которые одновременно служили и проходной, я увидел издали группу рабочих в красивой, видимо, пошитой на заказ спецодежде с нашитыми на ней какими-то яркими шевронами. Среди них были и женщины, причем довольно симпатичные и, я бы сказал, даже весьма грациозные. Все они мирно прогуливались по зеленому травянистому газону, неторопливо и даже лениво дожидаясь то ли пирожки, то ли котлеты в тесте. Большие и плоские, словно масляный блин, часы, висевшие над проходной, показывали половину двенадцатого. Возможно, авторы книг по политэкономии нам бессовестно лгали, когда утверждали, что при капитализме людей на предприятиях беспощадно эксплуатируют и отжимают, словно губку. Отжатые беспощадной нечеловеческой эксплуатацией граждане и гражданки в красивой униформе мирно паслись на зеленой лужайке, дожидаясь аппетитно пахнущие пирожки и булочки, выпеченные, очевидно, в местной столовой.

– И действительно, – подумал я, на минуту остановившись. – Какая все-таки это большая глупость тратить драгоценное обеденное время на обед. Так и жизнь пройдет – не заметишь.

Мне стало очень жалко, что у меня нет на работе обеденного перерыва, который я мог бы тоже проводить с большой пользой для себя лично и общества в целом. Просто я и так могу обедать, когда мне вздумается. Хочу обедаю в десять часов, хочу – в пять. Могу, вообще, не обедать. Обедать, безусловно, нужно до обеда, а в обед можно с увлечением походить по магазинам или поспать, сняв тесную обувь и сладко вытянув затекшие ноги. Можно положить уставшие ноги на рабочий стол между клавиатурой и мышкой, чтобы просохли носки. В крайнем случае можно ненавязчиво покопаться в Интернете, пока наивный начальник ест шашлык в ресторане с символичным названием «Три поросенка».

– Вы куда, гражданин? – строго сказала мне на проходной молодая сбитая блондинка с пунцовыми губами и торчащей в них сигаретой. – У нас, гражданин, посторонним вход запрещен. Если грамотный, читайте. – Она указала пальцем на вывеску. Над свежeverкрашенными воротами красовалась ядовито-зеленая надпись «Вход – строго по пропускам».

Пропуска у меня, естественно, не было. Я был несколько озадачен такой постановкой вопроса, поскольку у завода забор стоял только со стороны проходной. С двух сторон забора либо не было совсем, либо он остался фрагментами, ибо кирпич местные жители давно растянули для застройки своих участков. Сделать здесь пропускной режим – все равно, что поставить калитку в поле и требовать, чтобы все ходили непременно через нее.

– Но это же просто элементарная глупость, – возмутился я. – Вы посмотрите туда, – и я показал пальцем на трехметровый пролом в стене в 10 метрах от проходной.

Через него как раз выходило несколько граждан в спецовках, которые держали в руках что-то большое и тяжелое, завернутое в мешковину. Видимо, у них были веские основания идти именно через дырку, а не через проходную.

– Вот видите, – показал я рукой. – Ходят и ничего.

– Ну, вот, и вы идите через дырку. Чего ж вы не идете? – сказала мне назойливая вахтерша. – Дырка есть, а вас всех что-то через проходную тянет. – Она как-то неуважительно посмотрела на меня и захлопнула ворота, что называется, прямо перед моим носом.

Делать было нечего. Пришлось идти через пролом в стене. К моему удивлению, здесь была протоптана широкая тропа, посыпанная, к тому же, для того, чтобы не испачкать обувь, свежими опилками. Тропинка привела меня непосредственно к главному корпусу, где я надеялся найти помощь и взаимопонимание со стороны рабочего класса. Не без труда и уже ближе к двум часам дня я нашел столь необходимого для меня токаря. А, может быть, это был фрезеровщик. Я, как человек гуманитарный и к тому же технически безграмотный, их всегда путаю. За долгих два часа хождений по территории завода я не встретил ни одного вспотевшего от работы сотрудника. Токарь или фрезеровщик тоже не выглядел сильно уставшим и стоял, углубленно вглядываясь в чертеж. Так полководец изучает перед сражением карту местности, на которой ему завтра на зорьке предстоит развернуть полки и атаковать противника.

– Ключик надо бы изготовить, – как можно бодрее сказал я, стараясь заразить гражданина своим оптимизмом.

Полководец оторвал нахмуренное суровое лицо от карты, внимательно и как-то осуждающе посмотрел на меня, молча отошел в сторону и стал замерять какую-то деталь штангенциркулем. Я извлек из кармана ключи, подумав, что вид редкого ключа вызовет в нем волну профессионального интереса. Но токарь-фрезеровщик равнодушно посмотрел на большой сейфовый ключ в моей протянутой руке и, не проронив ни слова, подошел к каким-то наваленным одной большой кучей болтам и гайкам, где стал лениво ковыряться в них, опустив на глаза большие профессорские очки. Обернувшись и увидев меня, стоящего по-прежнему с протянутой рукой с сиротливо лежащим в ней ключом, он изрек:

– У частных заказов не принимаем.

– Да какой я частник? – залепетал я. – Какой я, к черту, частник? Мне бы ключик сделать, и я бы пошел. – Я заискивающе стал заглядывать в глаза токарю-фрезеровщику. – Вы понимаете, весь город обошел. Никто не берется, – пожаловался я на судьбу. – А с одним ключом для сейфа – это не жизнь.

– Да так то оно так, – прокряхтел опять мой собеседник. – Только занят я сильно. Ничего не выйдет. Работы очень много. Разве что через недельку. – Он наклонил голову с проплешиной и поверх роговых очков посмотрел на меня.

– Мне никак нельзя через недельку, – жалобно пролепетал я. – Мне бы завтра. И деньги у меня как раз с собой. – Я радостно достал из бокового кармана тугое портмоне.

Мой собеседник по-хозяйски взял у меня из рук ключ, долго и невозмутимо смотрел на многочисленные холмы и впадины большого сейфового ключа.

– Заготовку смогу сделать, – вынес он свой вердикт, – дырку внутреннюю могу просверлить, а канавки и бороздки сам как-нибудь.

– То есть как сам как-нибудь? – опешил я. – Я этого не умею, у меня профиль другой. Я гуманитарий.

– Не хочешь? Так и скажи, – сказал мой хмурый собеседник, вернул мне ключ и ушел назад к фрезерному или токарному станку опять разглядывать замысловатый чертеж.

– Петрович, – окликнул его молодой парень, заезжая в цех на автокаре. – Мастер говорит, втулки срочно нужны.

– Подождут, – сказал Петрович сурово. – Мне сегодня некогда. Может, через пару дней выточу.

Он снова подошел к куче болтов и гаек и стал в них копаться, выискивая из кучи, видимо, что-то очень нужное для себя.

В тот трагический для меня день погода всячески соответствовала моему настроению. Когда я только шел на завод, светило пусть не знойное июльское, а просто ласковое октябрьское солнце, на небе не было ни облачка, а желтые и оранжевые листья на деревьях радовали взор буйством красок и разнообразием форм. Спустя всего два часа, все изменилось, и на улице уже капал холодный осенний дождь, небо затянуло откуда-то набежавшими тоскливыми тучами, а желтые и оранжевые листья на облезлых деревьях раздражали так же, как всю жизнь меня почему-то раздражали желтые хризантемы и тюльпаны.

Я подошел к знакомой дырке в заборе и уже известной тропой хотел выйти с территории ненавистного мне завода. В кармане громко и подло позвякивала связка ключей, из которых выделялся один длинный, нестандартный с дыркой в середине – символ всех моих сегодняшних несчастий.

– Эй, мужчина, подойдите, – это мне кричала моя знакомая вахтерша. В ее губах по-прежнему дымилась очередная сигарета, и еще она что-то жевала.

Я послушно подошел к проходной и опять увидел зеленешую вывеску «Вход – только по пропускам».

– Можете назад выйти через проходную, – сказала она почти дружелюбно и улыбаясь. – Это можно.

Я молча посмотрел на ее упитанную, без признаков талии фигуру, висящую на губе сигарету, на ядовито-зеленую надпись «Вход – только по пропускам» и, не знаю почему, поддавшись какому-то внутреннему порыву, молча и зло пошел назад к дырке в заборе. И пока шел к дырке я спросил сам у себя: «А почему мы все так живем?» «Наверно потому, – ответил внутренний голос, – что мы все так работаем, потому что мы все так обедаем, потому что мы все так охраняем, потому что мы все так точим на токарном или фрезерном станке неизвестно что, руководим предприятием, находясь в это время на охоте или в ресторане, разбираем по ночам

на кирпичи стенки строящегося напротив жилого дома, лечим больных, складуруем в темных чуланах разнообразный ненужный хлам, по которому давно плачет городская свалка. И самое главное, – сказал внутренний голос, – потому что мы все и всегда ходим через дырку в заборе. А через проходную нас либо не пускают, либо мы сами не хотим ходить. Потому что ходить через дырку в заборе нам гораздо привычнее и роднее. Вот так.

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ГЛУПОСТИ

Каждый человек за свою жизнь совершает бесчисленное множество глупых поступков, даже не задумываясь над тем, зачем он это делает. Иногда людям, у которых, как реликт третичного геологического периода, сохранилась совесть, бывает за свои поступки стыдно, иногда не бывает. Ведь человеческая совесть, как нравственная категория, мешает нормальному и естественному течению эволюционного процесса и поэтому, как доказал великий эволюционист Ч. Дарвин, обречена на постепенное и вполне естественное вымирание вместе с ее редкими владельцами.

Иногда мне кажется, что на каждого человека на земле заготовлен мешок с глупостью, которую он должен израсходовать за свою жизнь. У одного человека мешок большой, у другого немного поменьше, но мешки эти заготовлены абсолютно на всех. И вот лежат эти пыльные мешочки где-то в специальном мешкохранилище и потихонечку уменьшаются в объеме. У меня часто возникает желание найти это тайное место, выкрасть свой мешок, привязать к нему шестнадцатикилограммовую гиру и лунной ночью утопить его где-нибудь в глубоком и тихом месте.

Занимать людям деньги – это безусловная стопроцентная глупость. Все это знают, и, тем не менее, периодически многие граждане занимают деньги знакомым и малознакомым людям, таким образом расходуя глупость из своего мешка. Деньги – они ведь как дети. Пока они рядом, родители не чувствуют беспокойства и абсолютно счастливы, но стоит только им отлучиться, как беспокойство об их судьбе лишает родителей сна и аппетита. Научно доказано, что заем денег разрушает личность дающего и лишает его природной гармонии и целостности. Сам я регулярно провожу научные опыты по заниманию денег всем желающим уже много лет. Кстате, занимать деньги со вкусом могут далеко не все. Это даже своего рода искусство. А искусство, как известно, требует жертв.

Месяц назад, когда на улице буйствовала вовсю весна и все живое жаждало любви и нежности, в мою дверь ближе к обеду раздался звонок. Визитером оказался мой старый зна-

комый из той распространенной категории людей, которых мы любим тем больше, чем реже их видим.

На улице лил дождик, а зонта у моего знакомого не было. Поэтому вокруг него из воды, стекавшей с одежды, сразу образовался небольшой прудик с грязными сандалиями в середине. Мокрого знакомого звали Кексуев. Я не видел его лет пять, с тех самых пор, как он женился и уехал в странный город Урюпинск, не успев в спешке возратить мне 200 рублей, занятых им на подарок для двоюродного дяди невесты. Кексуев, шлепая по паркету раскисшими от дождя сандалиями, без приглашения прошел на кухню и сел там возле окна. Несколько минут он молча смотрел в окно, где из водосточной трубы в доме напротив на уровне второго этажа небольшим ниагарским водопадиком хлестала вода, заливая стену дома. Видимо, в Управляющей компании кончились деньги, ассигнованные на капремонт дома именно на этой трубе. Скучающий взгляд Кексуева остановился на сиротливо стоявшей в углу корзинке с сырым картофелем.

– Старик, – наконец обратился он ко мне. – Зачем ты так много ешь картофеля?

– Да не ем я много картофеля, откуда ты взял? – ответил я ему, немного нервничая.

Но Кексуев меня не слушал.

– Картофель сильно полнит и закоксовывает кишечник. И еще от крахмала у тебя будет плохая и очень густая кровь. Ты этого добиваешься?

– Нет, – немного испуганно сказал я. – Я не хочу густую кровь и закоксованный кишечник, и я вовсе этого не добиваюсь. С чего ты взял?

– Правильно, старина, – подхватил Кексуев. Жизнь так прекрасна, зачем ее омрачать преждевременным уходом. Кстати, у тебя под глазами мешки, проверь почки. И брось пить на ночь кофе, жрать жареную свинину и купи гантели. Это добавит тебе уверенности в себе. – Кексуев открыл холодильник и начал доставать из него продукты.

– Но я не пью на ночь кофе, не жру, как ты говоришь, жареную свинину и давно купил себе гантели, еще в школьные годы, – категорично заявил я Кексуеву.

– Все это слова, – ответил Кексуев, внимательно разглядывая новую кухонную стенку. – А на деле. Раз, два и инфаркт, и нет человека.

Возражать было бесполезно, и я махнул рукой, желая только одного, чтобы незванный гость ушел как можно быстрее и я его не видел еще лет пять, а еще лучше десять. Это был очень энергичный, взбалмошный, толстый и, на редкость, бестактный человек.

Ему ничего не стоило припереться к какому-нибудь мало-знакомому гражданину в половине первого ночи и попросить напоить его крепким чаем по той простой причине, что он поругался с женой. Все его сторонились и даже побаивались, потому что он ко всем своим недостаткам был еще медиком и любил ставить знакомым плохие и очень плохие диагнозы.

– У вас большой живот и явно увеличена печень. Проверьтесь, может, у вас цирроз? Пьете водку? Зря. Водка, даже хорошая, – это яд. До утра можете и недотянуть.

Человек начинал оправдываться и говорить, что он вообще к водке равнодушен, а заодно к виски и портвейну. Но Кексуев его не слушал. Он вообще никого никогда не слушал, так как все знал сам. Он был настойчив, энергичен, целеустремлен, циничен и самодостаточен. Во всяком случае, по всему было видно, что переубедить его мне не под силу.

Сразу же после возвращения в родной город он, вероятно, вспомнил обо мне как о человеке, всегда имеющем немного свободной наличности и у которого в холодильнике всегда есть немного лишних продуктов.

– Извини, старина, – сказал он, – что я к тебе без звонка. Извини, что долго не звонил, некогда было. Был сильно занят. Собственно, нужна пустяковая сумма – тысяч пять. – Он снова присел за стол и стал делать себе бутерброды с дорогой колбасой и с ветчиной, несколько вареных картофелин остались нетронутыми, наверно потому, что картофель зашлаковывает кровь.

– У меня, наверное, столько не будет, – сказал я, немного пятясь к холодильнику.

– А ты поправился, – сказал он, критически оглядывая меня с головы до ног. – Наверно аппетит различными приправами остренькими разгоняешь? Зря. Ой, зря. Не доведут

они тебя до добра. Язву желудка, как минимум, гастрит гарантирую, а то и того хуже.

Боясь, как бы он мне не поставил более серьезного диагноза, я пошел к шкафу, где как и все нормальные люди под стопкой хрустящего глаженного белья моя жена хранила домашние деньги от посторонних посягательств, и дал ему 5000 рублей.

Как только денежки перекочевали к Кексуеву, мне стало немного грустно, как будто что-то хорошее ушло безвозвратно. Я набрал воздуха в легкие, чтобы глубоко выдохнуть, но мне не дал это сделать мой визитер, который с блеском в глазах пересчитывал деньги.

– Старик, – сказал он мне почти по-отечески, хоть был моложе меня лет на пять, – почему ты так тяжело дышишь?

Кексуев поправил гнутые очки и спрятал деньги в рыжий бухгалтерский портфель.

– Дыши свободнее и делай по утрам пробежки. Жизнь так прекрасна.

Он ушел, унося с собой потертый бухгалтерский портфель, в котором лежали мои деньги, опухшее, покосившееся на одну сторону, словно деревенская изба, лицо, помятые, не знавшие утюга штаны и запах крепкого дешевого табака, вероятно, очень полезного для здоровья.

– Еще одного осчастливил? – грустно, с оттенком безнадежности спросила жена, когда стук его грязных ботинок затих в глубине подъезда.

– Ему что, брюки не на что купить, ходит по знакомым деньги собирает?

– Я не могу отказать человеку только на том основании, – ответил я, – что у него помятые штаны. К тому же, он у меня занял всего во второй раз.

– Я думаю, что в третий раз ты будешь немного умнее, – сказала жена и ушла к себе в комнату.

Я задумался. Действительно, мои дебиторы не баловали меня своим вниманием. Все они позорно молчали: как те, которые заняли деньги несколько лет назад, так и те, которые заняли деньги до утра и исчезли навсегда. Вели они себя удивительно однообразно. Может быть, они в тайне от меня объединились в тайную организацию, созданную с одной не-

хорошей целью – никогда не возвращать мне мои деньги. И еще они как-то хорошо умели не попадаться мне на глаза и ничем не напоминать мне о своем существовании. Возможно, это делалось для того, чтобы сберечь мою нервную систему. Со многими из заемщиков я жил в одном доме и даже в одном подъезде. Время от времени, правда, я слышал знакомые голоса в подъезде, но стоило мне приблизиться, как голоса моментально замолкали, а их владельцы бесследно исчезали. На прошлой неделе за лифтовой шахтой мелькнули знакомые комнатные тапочки в фиолетовых носках, но тапочки исчезли и больше не появились. На следующий день на грязном капоте моего автомобиля, который ночевал во дворе, некто вывел пальцем «дурак». Видимо, кто-то из членов организации подавал о себе весточку.

Жизненные обстоятельства порою складываются не совсем благоприятно. Мрачные прогнозы моей жены сбывались. Кексуев в мятых штанах с рыжим портфелем не появился вопреки моим наивным ожиданиям не через неделю, не через месяц. Я позвонил пару раз ему домой. Из трубки казенный голос сообщил мне, что абонент отключен от сети за неуплату. Наверно, денег, которые он у меня занял, ему не хватило на оплату долга за телефон.

Когда совершаешь глупость за глупостью, тоходишь в ритм. Вчера вечером ко мне подошел сосед по лестничной клетке и... я не смог ему отказать. К нему приехала погостить теща, и нужно было срочно купить ей обратный билет. А у него, как назло, задержали выплату зарплаты. У кого поднимется рука не дать денег на обратный билет для тещи. Должна же быть, наконец, просто мужская солидарность. Эта светлая мысль согревала меня всю последнюю неделю.

Вопреки обещаниям сосед не появился ни через три дня, ни через неделю, пополнив, таким образом, длинный список моих дебиторов.

И еще. Если я все же не найду свой мешок с глупостью и мне не удастся утопить его в тихом и уютном месте в лунную ночь, то я, благодаря своим поступкам, все же сильно уменьшу его содержимое, а так как глупость передается по наследству, то моим детям ее достанется меньше.

РОМЕО И ДЖУЛЬЕТТА

(Романтический рассказ)

Н а улице вовсю буйствовала весна. Воздух был пропитан нежностью и любовью. Из палисадников пахло фиалками и жасмином, и даже на старом спиленном еще в доперестроечные времена пне появились и зазеленели молодые и нахальные побеги.

Студент третьего курса мехфака Роман Скирдорезов в приподнятом весеннем настроении вошел в кафе, расположенное неподалеку от института. В кармане его брюк лежало 200 рублей – вполне приемлемая сумма для того, чтобы утолить голод молодого человека, не страдающего болезнями и аномальными отклонениями в области пищеварения. В кафе было душно, то ли от горячих электроплит, на которых что-то жарилось и варилось, то ли от пышущих здоровьем полногрудых и краснощеких поварих, метавшихся за раздаточной стойкой. В предчувствии калорий желудок Ромы пел, как орган симфонии, фуги и прочие музыкальные произведения не известных ему авторов. Скирдорезов, которого в студенческой среде все называли просто «скирда», по-молодецки взял поднос: пельмени, 200 г сметаны, салат, сдобная булочка и компот – такой репертуар его вполне удовлетворил.

– Мне, пожалуйста, компот, – пролепетал нежный женский голосок за спиной, и на Рому пахнуло нежным ароматом хороших духов. Рома оглянулся и увидел ее...

Это была именно та незнакомая девушка, которая с момента первой встречи часто снилась ему по ночам. Короткая кожаная юбочка, чуть вздернутый миленький носик, длинные ресницы и не менее длинные и очень стройные ножки. Она была легка и воздушна, как Афродита, выходящая из морской пены. От неожиданности у Ромы отнялись ноги, язык и все остальные части его молодого и растущего организма. Девушка приветливо и немного кокетливо улыбнулась Роме. Рома ответил ей от растерянности жалким подобием улыбки.

В первый раз он увидел ее в супермаркете. Она выходила на улицу, видимо, вместе с мамой, красивой и стройной женщиной лет сорока. Они весело разговаривали и несли

пакеты с покупками. Их глаза встретились. Рома хорошо помнил этот ни с чем не сравнимый нежный взгляд, губы, сложенные в милую улыбку, красивые каштановые волосы и маленькую родинку на правой щеке. Ох, эти женские взгляды, которые сулят нам блаженство и счастье и ради которых мы, мужчины, готовы на все! Взгляд говорил: «Найди меня, видишь, я какая». Каждый день после роковой встречи Рома, просыпаясь утром, вспоминал таинственную и прекрасную незнакомку. Но где найти ее? Даже в небольшом городке трудно отыскать девушку, не зная фамилии и даже имени. Проект был заранее обречен на провал, но Рома все искал и искал. Он тоскливо бродил по вечерним улицам города в надежде встретить ее. В мучительных поисках прошло почти три месяца. И вот, когда угасла, казалось бы, последняя надежда, он снова встретил ее – ту единственную, неповторимую и желанную, которую он полюбил с первого взгляда и на всю жизнь.

Она стояла рядом, та самая, которая грезилась ему на лекциях и мешала нормально насыщаться знаниями, продвигаясь без навигатора в дебрях экзаменов и зачетов к заветной цели под названием «диплом». Запах хороших духов незнакомки кружил Роме голову и даже забивал запах кислой капусты, доносящийся с кухни вместе с резкими высказываниями поварих.

Двигаясь к кассе с подносом, вновь испеченный Роме робко поглядывал на предмет своего обожания. Взгляды их встретились, и она опять одарила его той самой улыбкой, которая в одночасье может решительно поменять судьбу. Скирдорезова бросило в холодный пот, и его мелкие струйки начали стекать по спине, а на рубашке в районе позвоночника проступило влажное пятно. От нервной перегрузки Рома стал непроизвольно топтаться на месте. Со стороны это было похоже на то, как человек перед дверью туалета ждет своей очереди и от нетерпения притоптывает ногами.

К суровой действительности Рому вернул неприятный охрипший голос кассирши: «С вас двести пятьдесят два рубля». Скирдорезову стало нехорошо. Он понял, что произошла страшная трагедия. Кассирша приняла их взгляды и улыбки как знак давнего знакомства и по своей глупости посчи-

тала вместе. С какой-то тайной надеждой Рома засунул руку в карман брюк. Но чуда не случилось, там лежали все те же двести несчастных рублей и ни копейки больше.

– Молодые люди! Вы думаете расплачиваться или глазки друг другу будете строить? – съязвила кассирша. – Моду взяли, – сказала она, обращаясь к плотной женщине на раздаче с засученными по локоть рукавами. – Тут очередь стоит, у людей перерыв кончается, а они улыбаются друг дружке. Словно места другого для этого нет.

– Детский сад какой-то, – поддакнула толстая тетьа на раздаче, снимая с плиты трехведерную кастрюлю с борщом.

– Сейчас-сейчас. – Рома лихорадочно стал шарить по карманам и искоса, как бы извиняясь, поглядывал на Джульетту, которая смиренно стояла рядом, ничего не предпринимая и с улыбкой наблюдая за тем, как на ее глазах рушится человеческая судьба.

Боже мой, что творилось в его душе в этот момент. Он был готов провалиться сквозь землю от стыда и позора. На него было больно смотреть. Со скорбным лицом иеромонаха, постившегося последние два года, он посмотрел по сторонам в надежде найти хоть одно мало-мальски знакомое лицо, но знакомых в очереди не было, это были лица голодных, чужих и бездушных людей, которые хотели набить свои ненасытные утробы продуктами питания. Им было глубоко наплевать на то, что рядом погибает влюбленный человек без всякой надежды на спасение. Если бы в этот момент случился пожар, или небольшое локальное землетрясение без человеческих жертв, то это еще хоть как-то могло смягчить нештатную ситуацию. Но данный район был сейсмически устойчив и не подвержен тайфунам, торнадо, цунами и прочим природным катаклизмам. Небольшие землетрясения в 1–2 балла здесь иногда случались. Правда, крайне редко, да и они вряд ли смогли бы спасти Рому от неминуемой гибели и позора. Оставалось одно – погибнуть на месте, как подобает настоящему мужчине.

Рома дрожащей рукой протянул 200 рублей. «Посчитайте нам, пожалуйста, отдельно», – эту роковую фразу он сказал в полной гробовой тишине. Даже те посетители, которые уже получили свою еду и тщательно ее пережевывали, на мгно-

вение остановились. Затих стук ложек и вилок о тарелки. Сдача, которую кровожадная кассирша медленно, монету за монетой, клала в блюдечко, в тишине издавала звук цокающего подковами эскадрона, проезжающего по вымощенной булыжником улице. Все это было выше человеческих сил.

На стоявшую за его спиной Джульетту он старался не смотреть, боясь увидеть в ее глазах усмешку и презрение. Перед глазами Скирдорезова прыгали круги, треугольники и другие геометрические фигуры. Не взяв сдачу, он в каком-то чаду подошел к столику, поставил на него поднос с едой и вышел на улицу.

Здесь по-прежнему буйствовала весна, и южный пьянящий воздух был пропитан нежностью, любовью и негой. Пахло фиалками, жасмином и прочими уже не нужными обстоятельствами. Весны Скирдорезов уже не замечал. Сложные чувства бродили внутри его. Он был раздавлен и унижен. Его самочувствие было сродни ощущениям Наполеона Бонапарта после Ватерлоо, если, конечно, верить историкам. А, возможно, даже хуже.

Из окна общежития напротив раздавались бодрые мажорные мелодии, слышался девичий смех. Весна брала свое.

В то злополучное кафе за углом, что на перекрестке, Рома больше никогда не ходил. А милая девушка снилась и снилась ему по ночам. Он вспоминал запах ее духов, походку, улыбку, пухлые губки и блестящие от солнечного света глаза. Он еще долго помнил ее, пока безжалостное время не стерло ее нежный образ из его памяти.

ШЕРШЕ ЛЯ ФАМ

«Шерше ля фам» (ищите женщину) – избитая, затертая до дыр фраза. Запиленная и заезженная, как старая граммофонная пластинка.

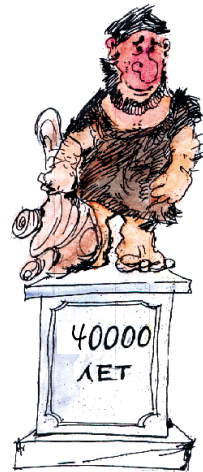
Сколько загублено судеб, изломано копий, затуплено топоров, загнано лошадей и потоплено кораблей с того самого момента, когда эта мысль впервые сформулирована и даже озвучена доисторическим харизматичным мужчиной. Кто был этот первый отважный первопроходец? По версии современных археологов, он был француз, который проживал в местечке Кро-Маньон около 40 тысяч лет назад. Его портреты до сих пор украшают все исторические музеи мира. На портрете видно, что ему около 30 лет (прекрасный возраст), в меру упитанный, кареглазый, волосы длинные – не в пример современной моде, в бороде и усах, лицо открытое, добродушное, уши слегка лопухие, но это его не портит, одет в шкуру леопарда, ботинки и носки отсутствуют. Пользуясь методикой известного советского антрополога Герасимова, учеными полностью восстановлен его исторический облик. Ньютону, по преданию, на голову упало яблоко, и он открыл закон всемирного тяготения, кроманьонцу (а именно так его потом стали все называть) на голову свалился камень со скалы, и он открыл закон притяжения полов, или закон «шерше ля фам».

Сидел он как-то в одиночестве в своей пролетарской пещере и скучал. Ничего ему не хотелось: ни охотиться, ни есть, ни пить, ни играть с крокодилами в догонялки.

День сидит, два сидит: осунулся, похудел, сплошное томление духа и плоти. Вдруг, бац – камень по башке...

– Шерше ля фам! Эврика! – закричал он, от радости прыгая на месте. Ему надо искать женщину и чем скорее, тем лучше.

Хорошие женщины во все времена были в дефиците, поэтому чтобы облегчить себе поиски, он прихватил с собой увесистую, сучко-

ватую дубину. Возле весело журчащего между валунов ручья он нашел то, что искал. Там сидел вождь племени и утолял жажду после сытной трапезы. Все женщины племени были его частной собственностью, делиться которой он, естественно, не хотел. Разговаривать с руководством без всяких на то аргументов – дело неблагодарное. Поэтому наш герой приступил к делу без лишних слов. Взяв мозолистой пролетарской рукой дубину, он приласкал ею несколько раз страдающего после трехдневного обжорства эксплуататора. Аргумент возымел действие, и через несколько секунд вождь, набирая скорость на крутых виражах, скрылся в спустившемся с гор тумане. На берегу ручья остались лежать обглоданная кость мамонта и дубина, которую он не успел захватить с собой на новое место жительства. Больше его в тех краях не видели. Поговаривали, что он подался на север за длинным рублем и хорошей пенсией. А наш герой получил в наследство от похотливого вождя хорошую теплую пещеру вместе с небольшим и дружным гаремом человек в сорок–пятьдесят.

Во времена Священной Римской империи люди тоже жили нормальной человеческой жизнью: воевали с нехорошими соседями, грабили торговые суда и караваны, глядели на гладиаторские бои, пили вино и другие крепкие спиртные напитки, разрушающие организм, строчили левой рукой, как все истинные патриоты, анонимки в сенат, ненавидели власть и вместе с тем усердно служили ей. Обо всем этом подробно описано в учебниках истории.

Но было еще одно занятие у древних римлян, о котором учебники умалчивают. Римских мужиков тоже интересовал женский вопрос. Они помнили завет великого предка. «Шерше ля фам» – ищите женщину. И они, конечно же, искали.

Как и в любом деле здесь были свои энтузиасты. Объединившись, чтобы не было скучно искать, в когорты, центурии и легионы и взяв на дорогу немного продуктов и вина, озабоченные мужчины отправились на поиски удачи. Начальников, как правило, назначали из числа многоженцев, как специалистов в области сексуально-брачных отношений. «Шерше ля фам», – кричал возбужденно в сенате Гай Юлий Цезарь и некультурно показывал пальцем в сторону Египта.

«Шерше ля фам», – кричали ему в ответ легионы и стучали короткими мечами о свои щиты. Они топтались от нетерпения, потому что им хотелось как можно скорее отправиться в путь и взять штурмом Александрию – тогдашний оплот мирового феминизма в лице неотразимой царицы Клеопатры. Затея эта тоже кончилась весьма скверно как для красавчика и любимца богов венценосного Цезаря, так и для его сотоварищей.

С тех далеких времен утекло очень много воды. История любит расставлять акценты. Кто-то из страдальцев нашел то, что искал, кто-то обрел вечный покой на дне ласкового Средиземного моря, а кое-кто угодил на галеры, где без суеты, нервотрепки и назойливых и глупых женщин провел остаток отпущенных ему господом богом дней.

Прошло время. Наступило мрачное и непредсказуемое средневековье. Такое нехорошее и смутное время, что аж мурашки по коже начинают бегать от страха. Бесчисленные крестовые походы, которые иссушают и выхолащивают душу.

«Шерше ля фам», – кричал папа Иннокентий Третий в 1202 году, показывая пальцем на Восток, где хранились в то далекое время несметные залежи золота и женщин. И поскакали рыцари удачи в указанном папой направлении, гремя шенкелями, скрипя заржавевшими от атмосферных осадков доспехами, оставляя за собой облака въедливой средневековой пыли. Они с тревогой покидали своих несчастных от горя жен ради призрачной надежды осчастливить чужих. «Шерше ля фам, шерше ля фам, шерше ля фам» – стучали копыта боевых лошадей. А в серых и холодных замках, обнесенных со всех сторон высокими крепостными стенами, увитыми плющем и хмелем, окруженными глубокими рвами с вонючей водой, сидели и грустили маркизы, герцогини, графини и даже баронессы.

С романтической любовью было туго. Низкий жизненный уровень, сложная политическая обстановка, бездарное руководство, отсутствие духовной пищи – все это делало романтические отношения при свечах невозможными. Лишь мерзкое кваканье лягушек да храп пьяной стражи нарушали тишину и единение замков и крепостей. А хотелось чего-то боль-

шого, чистого, романтического и хорошо пахнущего. Спрос, как известно, рождает предложение. Женщин, в отличие от мужчин, во все времена сильно тянуло как к самой культуре, так и к ее создателям.

«Шерше ля фам», – повторяли, словно заклинание, барды, скальды, менестрели и прочие странствующие альфонсы, отправившись на поиски творческого вдохновения, а заодно и хлеба насущного. Стремление к максимальному удовлетворению растущих духовных потребностей современниц и легкое чувство голода толкали их порой на необдуманные и безрассудные поступки. Вся эта творческая шайка-лейка вела себя довольно пошло, развязно и достаточно бесцеремонно. Они влезали в окна романтических дамочек по непрочным веревочным лестницам, карабкались, ломая ногти на ногах, по отвесным и скользким, увитым плющом вековым стенам, переплывали вплавь вонючие рвы, заткнув нос прищепкой и держа над головой лютню – специальный инструмент для исполнения любовных, романтических баллад.

Шло время, текла вода, сыпался песок из ушедших в отставку донжуанов.

Наступил восемнадцатый век, вернее, его вторая половина. В продвинутой Франции к тому времени уже изобрели гильотину, шампанское и адюльтер. Для тех, кому не знаком данный термин, могу прояснить, что адюльтер есть не что иное, как банальная супружеская измена. Тогда же сочинили всем известный шлягер – Марсельезу. На смену трудным для посещения замкам пришли удобные для ночных визитов городские дома с широкими террасами и просторными дымоходами.

«Шерше ля фам», – с корсиканским темпераментом произнес Наполеон Бонапарт и указал пальцем в сторону Версаля. Там было много власти, денег и, конечно, женщин, которые всегда любят именно эти сочетания.

Так, в 1799 году во Франции благодаря все тем же женщинам произошла буржуазная революция. К слову сказать, поиски женщин очень часто приводили к государственным переворотам и прочим бытовым катаклизмам.

Все та же всеми нами любимая Франция. Все тот же конец восемнадцатого века. По веревочной лестнице, любезно

сброшенной из окошка, лезет некто в темном плаще, в сапогах со шпорами, в треуголке и при шпаге. В то далекое время во Франции шпагу и треуголку носили все мало-мальски уважающие себя мужчины. Женщины во все времена любили военных и отдавали им предпочтение перед штатскими. Военные, что характерно, платили им тем же. Через минуту отчаянный рубака уже скрылся в темном проеме окна. Скрип старой деревянной кровати разбудил крепко спящего пожилого супруга. Он с недоумением смотрел на потолок и удивленно думал, что это может так скрипеть. Внезапно страшная догадка осенила его.

Ах, вот чем занимается его молодая жена в то самое время, когда он, изнывая от подагры и изжоги, мучался в одиночестве на брачном ложе. Можно проветрить мозги незваному гостю из пистолета, пристрелив сразу обоих. Но нет. Шпага – вот лучший инструмент для выяснения отношений между мужчинами. Шпаги из ножен. Все мосты сожжены, и под обгоревшими обломками погребены остатки нежных чувств, а заодно и семейная счастливая жизнь.

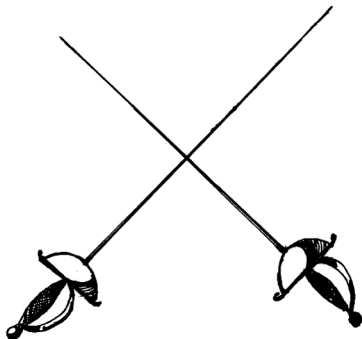
Бац-бац, вжик-вжик – и глупого, обидчивого и негостеприимного мужа уже проткнули шпагой, словно вилкой котлету. Еще один нашел то, что искал.

Шло время. Оно всегда идет как-то незаметно. Многовековые поиски так ничего и не дали. Но таков вечный закон Шерше ля фам, открытый великим предком на заре человечества. «Шерше ля фам», – восклицают настоящие мужчины и отправляются на поиски снова и снова. Они карабкаются по отвесным стенам, форсируют водные преграды, прыгают без парашюта с 14 этажа, скрываясь от приехавшего раньше на целые сутки мужа – капитана дальнего плавания, умудряясь надеть в воздухе носки и туфли. Они скачут по автотрассам на «скакунах», под капотом у которых 250 л. с., оставляя за собой облака въедливой современной пыли. Они стоят в очередях за цветами, чтобы бросить их к ногам своей избранницы, сочиняют по ночам стихи, посвящая их своим возлюбленным, пробивают тоннели под Ла-Маншем, чтобы увидеть ту, единственную, которую искали всю жизнь. Великая сексуальная революция, о необходимости которой так

долго говорили на кухнях, постучалась в дверь. Мир изменился, но остался прежним.

«Шерше ля фам», – говорит старший следователь своим подчиненным, показывая фотографию клофелинщицы. Джоконда, одарив покупателя своей вечной улыбкой, взвешивает очередную селедку, вылавливая ее руками из огромной деревянной бочки.

«Шерше ля фам» – шумит ночной прибой, «шерше ля фам» – гудит ветер, проносясь по заснеженным улицам, «шерше ля фам» – шуршат автомобильные шины. «Шерше ля фам, шерше ля фам, шерше ля фам» – стучат на стыках вагоны, унося кого-то на встречу с той единственной, неповторимой, желанной и вечно юной.

суда веков. Халтура – она на то и халтура, и, как ее ни назови, хоть через день, хоть через сто лет таковою и останется. Поэтому, наверно, в одном из стихов он (автор) «раскидисто навзничь упал», вероятно, ассоциируя себя с деревом, возможно, даже с дубом. (Они у нас на юге очень раскидистые, желудистые и потому хорошо падают навзничь). Потом он же (автор) «туман собой раздвинул». Вероятнее всего, туман был сырым и очень плотным, и автору пришлось изрядно попотеть, чтобы раздвинуть его немного в стороны. И под занавес, так сказать на десерт, он же (автор) «отведал бессонницы» в финале одного из стихов. В другом стихотворении кто-то зашел на огонек к автору «с веселой мечтой набекрень» и при этом почему-то «отбрасывал раскосую тень», да вдобавок создавая при всем этом иллюзию «сквознякового счастья». Очевидно, автор перепутал свежий утренний майский ветерок в лицо и ощущение счастья, возникающее при этом, с невыносимым ноябрьским сквозняком в спину из форточки, приводящим, как правило, к радикулиту. Сам же лирический герой, по выражению гениального Н. Семафорова, был в это самое время «по-вечернему молод». Вероятнее всего, у господина Семафорова есть научная версия, согласно которой человек может быть по-утреннему молод, по-обеденному, и наконец, как апофеоз молодости, это молодость вечерняя или, в крайнем случае, ночная, усиленная большим количеством алкоголя и сигарет. Подобным поэтическим находкам и перлам нет числа. И вот уже «душа душой избита». Прямо сплошная поэтическая уголовщина. Есть, конечно, выражение «Живут душа в душу».

Но, вот, чтобы душа душе морду била, об этом, я думаю, умалчивают даже древнейшие источники.

Возможно, конечно, что душа душу отмузузила именно за то, что она сбежала без спроса от таинственного сыщика из предыдущего стихотворения. Нежданно-негаданно прямо в середине сборника откуда-то появилась и вышла на передний план большая белая подушка, которую он (автор) «кусает взахлеб». Вспоминаются известные слова Б. Пастернака, который сказал о своих стихах, «Образ входит в образ». Вероятнее всего, Н. Семафоров тоже решил рискнуть и попытаться все-таки создать хоть какой-то образ. Но попытка ока-

залась неудачной, и вместо поэтического образа получилась поэтическая пошлость.

Не менее интересно решена в сборнике и тема любви.

«Спасибо женщинам за праздность», – с пафосом восклицает поэт. Вероятно, автор путает два разных однокоренных слова – праздность и праздник. Что, вообще-то, далеко не одно и то же. И если хотя бы иногда открывать толковые словари Даля или Ожегова, то можно узнать много полезных вещей, прежде чем садиться за перо и толковать русские слова по наитию. Проще все-таки прочитать, а не гадать.

Девушке на ее обвинение в его постоянной болтливости герой одного из стихотворений отвечает:

*«У нас – поэтов –
Не простое ремесло.
Не расскажешь всему свету –
Будто выронишь весло».*

Н. Семафоров

Напрашивается естественный вопрос. А при чем тут весло? Может быть, автор вместе с юной девушкой занимался греблей на байдарках и каноэ или сплавлялся на плоту по горной реке, таким оригинальным способом обрекая себя на физические страдания? Прогребешь на каноэ верст с пяток, и уже никакие девушки не нужны. А что? Бывает и такое. Известный персонаж Адриано Челентано из кинофильма «Укрощение строптивого» рубил для этих же целей дрова. Тоже, говорят, от девушек хорошо помогает, правда, не всем. И еще возникает много вопросов к автору.

Почему, например, по выражению поэта Семафорова, «Комета – дура»? Я, например, считаю, что Российской ассоциации астрономов нужно непременно подать в суд на Н. Семафорова за оскорбление астрономических объектов. Другое дело – еще одна какая-нибудь комета-дура. А то все без исключения. Откуда такая уверенность?

Мне так до сих пор не понятно, куда скачет, гремя копытами, «апрель зеленогривый»?

И почему апрель ассоциируется у автора стихов с конем, а не с быком или козлом, например. На мой взгляд, козел

зеленогривый гораздо сильнее и экстравагантнее. Наконец, почему в стихотворении «Море» сердцу автора «зелено-влюбленно»? Уж не по причине ли принятия автором зеленого змия? Ибо в стихотворении есть весьма интересные и весьма двусмысленные строчки:

*Нынче сердцу зелено-влюбленно,
А воспоминанья ранят душу.
Я лежу под солнцем разъяренным,
Ноги в море, голова на суше.*

Н. Семафоров

Как хочешь, так и понимай. Достали человека воспоминания, добились они избитую в предыдущих стихотворениях душу. Вот и выпил человек пол-литра натошак без закуски и лежит себе на берегу, отдыхает – ноги в море, а голова, естественно, на суше.

А вот после строчки «принимаю мудрость, как усталость» хочется присесть и тоже выпить немного холодной водички и смочить ею голову, чтобы хоть как-то собраться с мыслями и понять глубину и ширину авторских образов и фантазий. Ну а последняя цитата из сборника буквально валит с ног наповал.

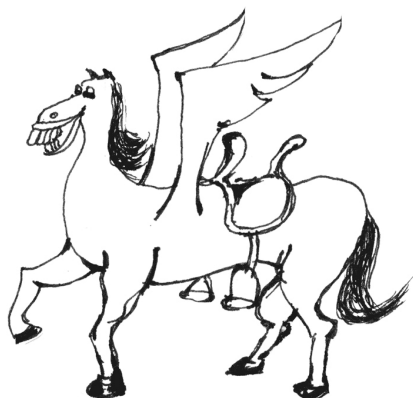
*Не искушай меня, песня-кормилица,
Произнести как слова приговора.
Что недодумано – после домыслится,
Мне ль сокрушаться в неполные сорок.*

Н. Семафоров

Вот вам и сермяжная правда, она же посконная, домо-тканая и кондовая, как говорил О. Бендер. Автор до конца откровенен с читателем. Это просто душевный мужской стриптиз. Не желает автор напрягаться и думать. А, действительно, зачем? Шариковая ручка – это ведь не отбойный молоток и не шахтерское кайло. Что ж, как говорится, пожелаем автору творческих успехов, чтобы он и в дальнейшем, сильно не напрягаясь, умственно радовал нас бодрым ям-

бом, живописным хореом и лучезарным анапестом. И чтобы сердцу почаще было «зелено-влюбленно», чтобы душа душу больше не избивала, чтобы апрель зеленогривый скакал по полям и лесам, радуя всех молодецким галопом и аллюром, чтобы после трудового дня можно было раскидисто упасть навзничь на кровать и укусить подушку взахлеб, и еще хочется ему пожелать как можно скорее сильно устать, чтобы стать очень мудрым и снова радовать нас своими новыми, с веселой мечтой набекрень стихами, оседлав и взнуздав, наконец, непослушного пегаса и дав ему под бока молодецкими шпорами.

*С пожеланием поэту Н. Семафорову
дальнейших творческих успехов,
неблагодарный читатель Ю. Селиванов*

Глава III

Рассказы, очерки

УТРЕННИЕ ЗВЕЗДЫ

Вечерело. Мы сидели с Кузьмичем на берегу озера и ловили рыбу. Занятие это он любил и знал как никто. От того и я, человек, далекий от рыбалки, напросился с ним порыбачить с ночевкой, по-соседски.

Весь день клева не было, и расстроенный Кузьмич сидел и молча смотрел на красно-белый поплавок, который то тонул, то снова выскакивал на поверхность

– Малек озорует, – нарушил, наконец, молчание Кузьмич и забросил удочку ближе к камышам. Но малек и там продолжал потихоньку дергать поплавок.

– Не идет сегодня что-то, – раздосадованно, как бы извиняясь передо мной, сказал Кузьмич. – Может, ночью пойдет, или утром, на зорьке?

Мне стало жалко его.

– Да не огорчайся ты, – обратился я к Кузьмичу. – С голоду не умрем. – Я открыл багажник старенького «Москвича» и достал оттуда сумку с едой, которую мне собрала жена.

– Это не рыбалка без ухи, – неохотно отозвался Кузьмич.

Немного дальше от того места, где сидели мы, стояло несколько закидушек. Но и они лишь немного позвякивали на ветру небольшими колокольчиками. От этого в уже начавших сгущаться сумерках казалось, что это где-то далеко-далеко идет домой стадо коров. Октябрь в наших южных краях обычно еще теплый, и несмотря на то, что до конца октября оставалось всего несколько дней, стояла теплая и сухая погода. Ближе к вечеру погода стала портиться. Небо затянуло редкими тучами, с озера подул несильный ветер, и стало прохладно. Я воткнул один конец удочки в берег, само удилице положил на рогатину и пошел к палатке за сигаретами. Она стояла неподалеку на случай дождя под большой старой акацией, которые довольно часто встречаются в этих степных местах.

Лето в этом году было сухое, и обычно зеленые в это время деревья уже стояли немного окрашенные в оранжевые и желтые краски. Несколько небольших осенних серых тучек, словно зацепившись за острый выступ холма, застыли на границе горизонта. Солнце уже село, но его серебряные лучи еще отсвечивали на самых краях далеких облаков. В этом

было что-то родное, забытое, откуда-то из далекого-далекого детства, когда весь мир казался большим и добрым. Невольно остановившись на полпути к машине, я засмотрелся на внезапно открывшуюся картину, как будто никогда не видел этот холм, это небо в тучах и бесконечную гладь озера, очертания которого уже тоже начинали теряться в наступающей темноте...

Вернувшись, я застал Кузьмича все в той же неподвижной позе. Он сидел на берегу на своем брезентовом стульчике и молча наблюдал за торчавшим из воды поплавком.

– Ну и терпение у тебя, – сказал я, подходя ближе.

– В этом деле без терпения нельзя, – ответил Кузьмич. Немного помолчав, добавил:

– Я вот до войны хотел звезды изучать. Еще в школе решил. Там у нас на школьном чердаке телескоп был. Так я часами мог на звезды смотреть. Особенно под утро, когда еще не расцвело совсем. Утренние звезды – они какие-то странные...

Кузьмич посидел еще немного, потом воткнул удилице в небольшой глинистый обрывчик и пошел к костру. Между тем как-то незаметно наступила ночь. Тихая октябрьская южная ночь. Ветер гнал по воде мелкую рябь вместе с редкими желтыми листьями. Небольшие волны хлюпали о берег.

– А почему ты учиться не пошел? – спросил я после небольшого раздумья.

Кузьмич, казалось, не расслышал моего вопроса. Не торопясь полез в карман, достал старорежимный портсигар, постучал папиросой о крышку. Чиркнув в темноте спичкой, закурил.

– Знаешь, – сказал он задумчиво. – В жизни кусок хлеба зачастую не совпадает с призванием человека. Это настоящее счастье, если человеку повезет заниматься любимым делом.

Хотя нет. Тут, скорее, от характера все зависит, а не от везения.

Он на минуту привстал со своего стульчика, чтобы подбросить в гаснущий костер дров. Пламя осветило его старое широкоскулое лицо с глубокими морщинами. Большой нос, светлые, словно выгоревшие на солнце, голубые глаза, седые, когда-то пышные, волосы. Было в этом лице что-то новое для меня, чего я никогда не замечал в нем раньше, хоть

и знал Кузьмича уже не один десяток лет. Почему-то вспомнилось, как в детстве Кузьмич катал нас на грузовике с фанерной крышей. Были тогда такие – полторки назывались. А мы, мальчишки, ехали в кузове, жевали разломленную на всех буханку серого хлеба и были счастливы просто от того, что на Баженовой балке, куда мы ехали, расцвели полевые тюльпаны, и свежий весенний ветер приветливо дул нам в лицо.

– Ты, вот, спросил, почему я учиться не пошел? – вернулся к начатому разговору Кузьмич. – А не пошел потому, что зрение у меня после ранения ухудшилось.

– Ты на фронте был? – немного удивленно спросил я.

– Да нет. До фронта один год недорос. Мне в сорок третьем, когда немцев из города выбили, 16 лет было. Вон там, – он встал и показал рукой вдаль, где сверкали редкие зарницы, – был немецкий аэродром. Потом был просто пустырь, наполовину приспособленный под огороды, а теперь завод стоит. Немцев прогнали зимой 1943 года. Город полуразрушен, заводы практически стояли, а жить как-то нужно было. Вот мы и наладились с пацанами в подземный склад с боеприпасами и авиабомбами лазить. Тогда так многие делали. В бомбах порох находился в шелковых мешочках. Мы разряжали снаряды и бомбы, доставали мешочки и на рынке на продукты меняли. Деньги были очень нужны. Отец как ушел в сорок первом, так ни одного письма и не написал. Потом уже через несколько месяцев пришло извещение. А нас у матери четверо. Я старший. Как-то в очередной раз сидели мы с ребятами в складе. Каждый свою бомбу разряжал. Работали, как обычно, всю ночь. Часов около пяти утра я вылез через люк наверх. Мне на работу в депо нужно было идти. Хотел домой забежать – поспать пару часов перед сменой. Отошел метров 500 от склада. Вокруг темно еще, только-только рассветало. Весна, цветами в поле пахнет... А дальше все как в тумане. Помню сильный взрыв, удар в голову. Очнулся в больнице. Там и узнал, что в складе взорвался снаряд и погибли все до единого – чуть не полкласса. На том месте воронка до сих пор осталась. Я хожу туда иногда. Мусором ее всю засыпали.

Кузьмич замолчал. Было видно, как тяжело ему все это вспоминать.

– Да. Они все погибли, а я, стало быть, живой. Вот ты – человек образованный, много книг прочел, с людьми разными встречался, – обратился он ко мне. – Ответь, почему так бывает? Ничего плохого человек не сделал за свою жизнь, жил честно, от трудностей не бегал, а совесть гложет его многие годы, словно он предал кого-то.

Вопрос Кузьмича застал меня врасплох. Я даже не нашелся, что ему ответить. Кузьмич опять закурил.

– Да, жизнь, – задумчиво протянул он. – Никто не знает что ему в жизни отмерено.

Кузьмич замолчал. Было тихо. Только в пожухлой осенней траве неустанно и грустно, словно прощаясь, шумел тихий ночной ветер. Мы сидели и молчали.

– Зима скоро, – сказал Кузьмич, затягиваясь папиросой.

Я не ответил. Он сидел и, подняв голову, задумчиво смотрел на темное, с редкими тучами, звездное небо. Смотрел долго и пристально, так, как будто долго его не видел.

– А с рыбалкой у нас все-таки получится, – неожиданно весело сказал он.

– Видишь месяц рогатый на ущербе. Значит, к утру рыба пойдет.

Я поднял голову вверх и увидел в ночном небе тонкую, словно отрезанную, дольку выглянувшего из-за тучи месяца. С озера опять подул легкий ветер и потащил за собой серые клочья вязкого, совсем уже осеннего тумана. Тихо шуршал прибрежный камыш. Пахло степью. Кузьмич встал.

– Пойду закидушки проверю. А то мы с тобой заговорились и совсем забыли, зачем приехали. Он ушел в ночную осеннюю темноту, шлепая по воде своими безразмерными бахилами и цепляя поверхность воды лапами длинного брезентового плаща. Сквозь пелену серого тумана еще некоторое время был заметен луч его карманного фонарика, но вскоре и он потерялся во мраке осенней ночи. С озера потянуло сыростью и гниющими водорослями, а набежавший порыв ветра опять зашуршал прибрежным камышом. Вспомнились последние слова Кузьмича.

– Никто не знает, что ему в жизни отмерено. Никто.

Костер совсем потух, и лишь редкие угольки еще тлели в нем, призрачно мигая, но постепенно и они угасали, как гаснут утренние звезды.

1983 г.

ПУТЬ ДЛИНОЮ В ДВА ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ

Шелк и изделия из шелка сопровождают человечество вот уже более 6000 лет. Как известно, родиной шелка считается Китай. В Китае начали заниматься производством шелка еще в пятом тысячелетии до н.э. К концу первого тысячелетия до н.э. шелководство в Китае достигло своего расцвета. Производилось огромное количество шелковой ткани, которая не раскупалась внутри страны. Необходимы были новые рынки сбыта. В 138 году до н.э. в свое первое путешествие в Западные страны по приказу императора отправился его посланник Ужан Уянь. Его путь пролегал через земли гуннов, которые пленили его и продержали в плену целых 10 лет. Ужан Уяню удалось бежать. По пути на родину в Китай он попадает в Среднюю Азию и делает ее подробное описание. Его рассказ побудил большой интерес в Китае к Западным краям, и он вновь получает приказ отбыть туда. Экспедиция вновь посетила Среднюю Азию, затем отправилась в Индию и Иран. В общей сложности экспедиция продолжалась более 30 лет. По мнению ученых, путешествия Ужан Уяня столь же важное событие, как и открытие Америки для Европы. По торговым путям, открытым Ужан Уянем, устремились китайские купцы. С этого времени и начал функционировать Великий шелковый путь. Само понятие «Великий шелковый путь» появилось сравнительно недавно – в девятнадцатом веке для обозначения целой системы торговых магистралей, связывающих более двух тысячелетий Китай, Индию, Среднюю Азию, Египет, Сирию, Римскую и Византийскую империи. Название «шелковый», конечно, условно, поскольку по этому пути шли караваны не только с шелком. Товары были самыми разнообразными: кожа, стекло, золото, ювелирные изделия, драгоценные камни, оружие. На торговые связи между Западом и Востоком указывал еще древнегреческий историк и путешественник Геродот, живший в пятом веке до н.э., посетивший Северное Причерноморье и описавший жизнь и быт скифов. Но торговые контакты того периода не носили такого масштабного характера, как после открытия торгового пути на Запад. От десяти до двенадцати караванов ежегодно, в каждом из которых насчитывалось от тысячи до

двух тысяч верблюдов, мулов и лошадей. Были отдельные караваны, которые насчитывали до десяти тысяч верблюдов, лошадей, мулов. Это целые города, где была своя охрана для защиты от разбойников, повара, погонщики, скорняки, кузнецы. Начинался Великий шелковый путь в столице древнего Китая г. Лояне. Миновав Великую Китайскую стену, воздвигнутую за несколько веков до этого, караваны следовали до Ланьчжоу и доходили до Дуньхуана. Отсюда шли две дороги: южная и северная. Первая огибала пустыню Такла-Макан с юга и доходила до Мевра. Северная дорога шла до Самарканда. В Мевре северная и южная дороги соединялись. Северная дорога была богаче водой и проходила по обжитым местам. Возле ручьев, колодцев и рек повсеместно были построены караван-сарай, где караваны останавливались на отдых. Здесь кормили и поили верблюдов и лошадей, прятались от налетов кочевников. После Кашгара караваны переходили через Тянь-Шань и проникали в Среднюю Азию. Иногда прямо из Кашгара они направлялись в Индию, куда вел очень тяжелый путь, названный «висячими перевалами». Он проходил по узким высокогорным тропам на высотах до шести – семи тысяч метров, над бездонными пропастями в горах Памира. Большинство купцов не проходило полностью путь от Лояна до Константинополя длиной более двенадцати тысяч км. По времени этот трудный и полный опасностей путь занимал больше года в один конец. Далеко не все возвращались домой. Многие погибали от разбойничьей сабли или кинжала. Поэтому купцам было выгодно добраться до Средней Азии, продать там шелк, купить другие товары и отправиться в обратный путь от г. Мевры, где соединялись южная и северная дороги. Дальше товары везли другие купцы.

Так повторялось несколько раз, пока, наконец, товары не попадали в пункт назначения – г. Константинополь.

Основная ветвь Великого шелкового пути вела в Багдад, а затем в порты Сирии. Последним этапом шелк морем доставлялся в Константинополь, Египет, Италию. Трудный, долгий и опасный путь с лихвой компенсировался золотом. За 1 кг шелка давали в разные периоды от 1 до 3-х кг золота.

Выражаясь современным языком, это был хорошо налаженный непрерывный цикл, который работал больше 15 веков.

В первой половине VI века ситуация изменилась. Византия и до этого была недовольна посредничеством Персии в торговле шелком, а в VI веке вступила в военный конфликт с ней. В результате войн путь через Персию был закрыт, и шелк стал поступать в Византию через Кавказ.

Это был тот самый Северный путь, который считался наиболее трудным для караванов. Маршрут этот проходил через пустыни Средней Азии на север по левому берегу р. Атиль (так в то время называлась р. Волга). Дорога шла до изгиба русла в месте, где сейчас расположен г. Волгоград. Затем караваны переправлялись на противоположный берег по реке Дон, точнее, по ее левому берегу, спускались к Меотскому болоту. В те времена так называли Азовское море по имени племен меотов, предков современных адыгов, создавших многие тысячелетия назад на Западном Кавказе знаменитые мегалитические сооружения – дольмены. Далее дорога шла уже морским путем. Через Керченский пролив товары переправлялись на пиратских кораблях в г. Пантикапей. На месте г. Пантикапей в настоящее время расположен город Керчь. Через несколько недель плавания корабли бросали якоря в бухте г. Константинополь – столице Восточно-Римской империи.

В VII–IX веках, как ответвление Северного пути, был проложен путь через перевалы Северного Кавказа в Грузию – к древнему городу Фазису (г. Поти). Всего существовало 3 основных прохода через Главный Кавказский хребет:

Дербентский проход. Так называлась узкая полоска суши между Каспийским морем и отрогами Восточного Кавказа. Древняя крепость Дербент была заложена для охраны древнего торгового пути. Дербентская крепость и многие другие строения того периода истории сохранились до настоящего времени и стоят, как живые страницы многих былых эпох.

Дарьяльский проход. В истории его еще называют Аланскими воротами. Здесь в настоящее время проложена Военно-

Грузинская дорога, которая ведет через Крестовый перевал в Закавказье.

Клухорский проход (перевал), высота 2782 метра над уровнем моря. Расположен в районе всемирно известного горного курорта Домбай. С Клухорского перевала стекает достаточно бурная и своенравная река Гоначхир, которая является правым притоком реки Аманауз. Древняя караванная тропа шла вверх к перевалу по руслу этой реки, переходя с одного берега на другой, поскольку здесь повсеместно есть выходы на поверхность крупных массивов гнейсов и гранитов, образующих непроходимые скальные теснины.

В связи с тем, что в V–VII веках н.э. между Византией и Персией происходили многочисленные войны, наиболее удобные для караванов Дербентский и Дарьяльский проходы были закрыты. В связи с этим купцы использовали проход через Клухорский перевал, а также через перевалы Пхия и Дамхурц. Дорога к последним проходила через Архыз, где в то время располагалось мощное аланское государство, что, безусловно, способствовало успешному и безопасному прохождению караванов через перевалы. Они, прежде чем попасть на Кавказ, огибали Каспийское море, спускались в устье р. Кумы. Широкая долина р. Кумы хорошо подходила для продвижения караванов к перевалам. Здесь были хорошие запасы воды, укрыться от зноя можно было в широколиственных пойменных лесах, в реке водилось много рыбы, и на лугах всегда было можно найти корм для лошадей. К тому же, на пути следования караванов было несколько древних поселений. Впоследствии на их месте образовался г. Маджары (район города Буденновска) и Адыг-Кале (район г. Георгиевска), а также древнее поселение, на месте которого впоследствии возникло в 1861 году село Канглы. Здесь можно было пополнить запасы воды и пищи, корма для лошадей. Давно уже стало известным фактом, что часть Великого шелкового пути проходила по территории Кавказских Минеральных Вод. В частности, от крепости Адыг-Кале караваны поворачивали на юг и шли по р. Подкумок к перевалу. Гум-Баши. Можно почти со стопроцентной уверенностью сказать, что часть этих караванов, а возможно даже

большая часть, шла не по долине р. Подкумок, а по долине р. Кумы. Путь по р. Подкумок был удобнее тем, что он шел через Пятигорские термальные источники. Подтверждением тому служит обнаруженные еще несколько столетий назад вырубленные в скалах г. Машук ванны для купания. Эти примитивные приспособления были вырублены в мягких отложениях термальных источников – травертинах более тысячи лет назад. Кстати, лечебные свойства этих источников были известны тоже очень давно. Скифы, проживавшие на данной территории в первом тысячелетии до н.э, использовали в лечебных целях пятигорские, железноводские и минераловодские источники, в том числе и минеральные источники у подножия г. Кинжал. Следы пребывания скифов обнаружены не только на Северном Кавказе, но и по ту сторону Кавказского хребта. Это говорит в пользу того факта, что проходы через Главный Кавказский хребет были открыты и использовались еще до VII века нашей эры, то есть во время существования здесь Великого шелкового пути, и не только скифами, но и представителями более древних цивилизаций. Несколько лет назад учеными в районе г. Кинжал были найдены орудия труда человека Ашельской эпохи возрастом более 400 000 лет. Одно из них находится в настоящий момент в Минераловодском краеведческом музее. Есть предположение, что распространялся ашельский человек с теплого юга на север, тоже используя проходы через Главный Кавказский хребет. Спустя тысячелетия скифы использовали проходы в Главном Кавказском хребте уже для своих военных походов. Подтверждением этому служит большое количество скифских курганов, разбросанных на территории КМВ и Георгиевского и Александровского районов.

Скифская цивилизация оставила после себя огромное количество следов материальной культуры. Не исключением являются и курганы на территории Кисловодска, Пятигорска, Георгиевского, Александровского и Минераловодского районов.

В начале 70-х годов XX века при прокладке русла Большого Ставропольского канала в Александровском районе при производстве взрывных работ рабочие натолкнулись на каменную стену очень большого диаметра и высотой от 1,5

до 2,0 м. Взрывные работы были приостановлены, а через несколько дней прибыли специалисты из Москвы. В результате проведенных археологических раскопок было установлено, что это скифское захоронение VI–VII веков до н.э., оно оказалось достаточно уникальным. Была выдвинута версия, что там захоронен скифский царь. При производстве раскопок обнаружили большое количество ценных для науки экспонатов, которые пополнили скифские коллекции ведущих музеев страны. Часть экспонатов осталась в краеведческом музее села Александровского. К сожалению сам археологический памятник сохранить не удалось. Работы по прокладке русла Большого Ставропольского канала были продолжены, и памятник был навсегда потерян.

В 1952 году при разработке глиняного карьера рядом с кирпичным заводом, расположенным на правом берегу реки Кумы к западу от пос. Первомайского Минераловодского района, было обнаружено скифское захоронение V–VI вв. до н.э. Было найдено несколько каменных ящичков, выдолбленных из бештаунита. Находились они на глубине одного метра. Вероятнее всего, на этом месте тоже был древний курган, скрытый при строительстве кирпичного завода. Учитывая уникальность находки, Академия наук СССР выпустила небольшой сборник, посвященный именно этому археологическому памятнику.

Все вышеперечисленное является лишь малой толикой огромного количества научных сведений, которые говорят в пользу того неоспоримого факта, что через Кавказ и, в частности, территорию КМВ на протяжении тысячелетий осуществлялась связь между различными цивилизациями Северного полушария. Великий шелковый путь – это только небольшой фрагмент в истории мировой цивилизации.

Перевалив через отрог Пастбищного хребта, караваны спускались в долину р. Мары и уже по ее долине шли к месту слияния р. Кубани и р. Теберды в районе современного г. Карачаевска. Если выбирался путь по р. Подкумок, то караваны шли до перевала Гум-Баши (в переводе с тюрского песчаная голова), отсюда и происхождение названия р. Кумы. Далее, переправившись через р. Кубань в районе г. Карачаевска, они брали направление на юг и далее шли вверх

по долине р. Теберды. До сих пор здесь сохранились два византийских храма X–XI веков – следы бывшего величия Византийской империи. Это Шоанский и Сентинский храмы. В настоящее время они отреставрированы и посещаются туристами. На левом берегу р. Теберды отчетливо видны следы древней тропы, по которой шли караваны, груженные шелком. Их нелегкий путь лежал к Клухорскому перевалу. За перевалом открывалась Грузия с ее древними морскими портами. Клухорский перевал большую часть года был закрыт из-за снега, поэтому, вероятнее всего, караваны ходили здесь только летом, а зимой они выбирали другой путь.

Интересна топонимика тех мест, через которые проходил Великий шелковый путь. Этот исторический период нашел отражение в географических названиях, в том числе и на территории Минераловодского района. В том месте, где сейчас расположено с. Канглы, люди проживали очень давно. В районе гор-лакколитов Кинжал и Кокуртлы выходят три типа горячих источников, в том числе и достаточно редкие – щелочные, которые в XIX веке прозвали мыльными. Проход по р. Куме в районе с. Канглы был очень удобен для караванов, если учесть еще и тот фактор, что в пойме реки Кумы как в те далекие времена, так и позднее до 20-х годов XX века произрастали достаточно мощные широколиственные пойменные леса. Такой лес в настоящее время сохранился в районе ст. Дебри. Следовательно, здесь не было проблем с дровами. В районе с. Канглы в 1902 г. археологом В.Р. Апухтиным была раскопана часть курганов, сохранившихся до настоящего времени. В одном из них был обнаружен погребенный воин с конем и куском шелковой ткани. По предположению исследователей, это была могила половецкого воина. Половцы господствовали в степях Предкавказья до середины XIII века. Затем сюда хлынули орды татаро-монголов. Татаро-монголы и положили конец Великому шелковому пути, грабя и разоряя караваны. Но они оставили свой след в топонимике этой местности. Кокуртлы – это небольшой и плохо выраженный в рельефе лакколит неподалеку от Кумагорской больницы. Переводится он как серная вода. Суркуль – приток р. Кумы – переводится как желтое озеро.

Река Дарья – правый приток р. Кумы – это вовсе не русское имя, а в переводе с тюркского означает река.

А вот происхождение названия г. Кинжал не столь однозначно. На сохранившихся в частных коллекциях фотографиях конца XIX – начала XX в. видна конусовидная вершина горы, даже отдаленно не похожая на кинжал. Произошла обычная типичная для данной местности история.

Русские переселенцы, приехавшие сюда жить из южных губерний России, плохо знали местные языки. И зачастую давали свои русские названия, созвучные языкам народов, издавна населявших эту территорию. Так, в кабардинском языке есть такое сочетание слов, как «кян жлоу» или «хан жлой», что в переводе означает в одном случае кровавый путь, а в другом ханский путь. Русские переселенцы переделали его в более понятное название Кинжал. Кабардинское название говорит в пользу того факта, что именно здесь проходила дорога, причем дорога кровавая. Значит, именно здесь в те далекие времена шли караваны, груженные дорогим шелком.

Вызывает интерес и происхождение названия еще одного притока р. Кумы – р. Джемухи. Нельзя сказать со стопроцентной уверенностью, но можно выдвинуть достаточно логичное предположение, что р. Джемуха получила свое название по имени сводного брата Чингисхана, которого звали Джемуха. Пока это только версия, для подтверждения которой нужны дополнительные исследования. Но одно не вызывает сомнения – что ДЖЕМУХА – это собственное имя.

Существуют и другие доказательства в пользу той версии, что Великий шелковый путь проходил и по долине р. Кумы, именно в районе г. Кинжал. Так, в период раннего средневековья на месте современной станицы Бургустанской была крепость. Известный исследователь Дюбуа де Монпере указывает, что разветвление Великого шелкового пути шло по Подкумку, достигая его выше Бургустана. Если взять топографическую карту, то легко можно убедиться в том, что выйти к верховьям р. Подкумок выше Бургустана можно было, двигаясь только по долине р. Кумы. При раскопках в самой ст. Бургустанской были обнаружены куски византийского шелка. В 20-х годах XIX в. в районе хутора Воронов был

найден участок мощеной дороги, относящийся к периоду существования на КМВ Великого шелкового пути. Вероятнее всего, эта дорога вела к теплым железнодорожным источникам, где располагалось несколько аланских городищ. Такие же поселения были в окрестностях г. Змейки и г. Кинжал. Возможно, был найден фрагмент дороги, связывающей между собой эти городища. Аланы были дружелюбно настроены по отношению к Византии, к тому же аланы были христианами. Это во многом усиливало влияние Византии на аланов. Поэтому караваны чувствовали себя под охраной аланов в безопасности, и караванщики использовали эти поселения для отдыха, пополнения запасов продуктов, смены лошадей.

Шли годы, менялась военно-политическая ситуация на Кавказе. Орды Чингисхана уничтожили аланское государство и заставили самих аланов уйти высоко в горы. Войско Чингисхана уничтожало все на своем пути: селения, местных жителей, выжигало посевы и вырубало посадки фруктовых деревьев. Все подвергалось разграблению, даже курганные захоронения. Большинство скифских курганов, в которых очень часто находились золотые украшения, были разграблены именно в период татаро-монгольского нашествия. Великий шелковый путь, выполнив свою историческую миссию, перестал существовать. Сухопутные караванные дороги надолго утрачивают свое первостепенное значение. Сообщение между Востоком и Западом стало осуществляться морем.

ЗДЕСЬ БЫЛ ПУШКИН

Пушкин впервые приехал на Кавказ в 1820 году. Это была не просто поездка, а фактически ссылка. Поначалу поэт отправился в Екатеринославль (г. Днепропетровск), но прожил там совсем немного. Генерал Раевский, участник и герой Отечественной войны 1812 года, по просьбе своего младшего сына заехал навестить больного Пушкина. Его вид и состояние здоровья вызывали серьезные опасения, и генерал хлопотал Пушкину отпуск на Кавказские Воды, где к тому времени уже было налажено лечение больных в Кисловодске, Пятигорске и Железноводске. Так в 1820 году А. С. Пушкин впервые попал на Кавказские Минеральные Воды. Методика лечения того времени требовала пройти курс на всех трех курортах. Именно поэтому из Константиногорской крепости А. С. Пушкин прибыл к подножию г. Железной, чтобы продолжить лечение. Сюда же прибыли генерал Раевский, его дочери Мария и Софья, сын Николай. Здесь же к ним присоединился старший сын генерала Раевского – отставной полковник Ряжского пехотного полка Александр Раевский. Биограф Пушкина Бертенев писал: «Эти оригинальные поездки, эта жизнь вольная, заманчивая и совсем не похожая на прежнюю, эта новость и нечаянность впечатлений, жизнь в кибитках и палатках, разнообразные прогулки, ночи под открытым небом и кругом причудливые картины гор, новые нравы, невиданные племена, аулы, сакли и верблюды, дикая вольность горных черкесов. А в нескольких часах пути – упорная, жестокая война с громким именем генерала Ермолова. Все это должно было чрезвычайно нравиться молодому А.С. Пушкину». Во время своего проживания на Железных Водах Пушкин с друзьями активно путешествует по окрестностям, впитывая в себя дикую и необузданную природу Кавказа, глубже узнавая обычаи народов, населявших его. Вот что он сообщает в письме брату: «Жалею, мой друг, что ты со мною вместе не видел великолепную цепь этих гор, ледяные вершины, которые издали на ясной заре кажутся странными облаками. Жалею, что вместе со мной не восходил ты на острый верх пятихолмого Бешту, Машука, Железной горы и Змеиной». Из этого письма ясно, что А. С.

Пушкин поднимался на вершину г. Змейки. Еще находясь в г. Ставрополе, через который и проходил путь на Кавказ, А.С. Пушкин мог наблюдать Главный Кавказский хребет и непосредственно г. Эльбрус. Самое высокое место г. Ставрополя – Комсомольская горка. Именно на Комсомольской горке до сих пор стоит Ставропольская крепость. Сохранилась она далеко не полностью, но можно и сейчас составить себе представление о том, что она из себя представляла. В Ставрополе А.С. Пушкин жил в доме, который стоял на месте нынешнего Дома книги. Здесь и сейчас висит мемориальная табличка, которая говорит об этом историческом факте. Путь из Ставрополя пролегал через несколько казачьих сел Азово-Моздокской линии, строительство которой курировал лично А. В. Суворов. Северное, Александровское, Саблинское и еще много других сел было заложено в то время. Дорога шла по равнине, временами пересекая несколько крупных балок, прорезанных маленькими степными речушками, вновь и вновь поднимаясь на водоразделы между ними. Самая высокая гряда находилась сразу за с. Марьины Колодцы. Этого села в то далекое время еще не было. Оно было основано позднее немецкими колонистами за широкой долиной ручья Сухая Падина на водоразделе. На гряде вел тяжелый и долгий подъем. На карте она обозначена как высота 493 м, а у местного населения из-за заостренной вершины называется г. Шпиль. Но именно здесь взору путников, пожалуй, впервые так масштабно и полномерно за все время пути из России на Кавказ открывалась панорама сказочных горных хребтов, упоминание о которых мы находим еще в письменных источниках, относящихся к первому тысячелетию до нашей эры. Панорама гор поражала воображение людей, выросших на равнине. Это вспоминают многие великие люди того времени, посетившие Кавказ и проезжавшие этим трактом. Великолепие горных хребтов, блестящие остроконечные пики, пронзающие высокое южное небо. А.С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, А. И. Одоевский, Л. Н. Толстой, А. С. Грибоедов, Бестужев-Марлинский – вот далеко не полный перечень известных всему миру людей, впервые увидевших Кавказ отсюда, с такой на вид неказистой, но очень удачно расположенной высоты. Высота эта знаменита

еще и тем, что именно отсюда орды кочевников, начиная со скифов в первом тысячелетии до н.э. и кончая татаро-монголами, осуществляли свои военные экспансии на Кавказ. Это подтверждается и археологическими раскопками, которые в разное время здесь проводились. Вдоль тракта на всем его протяжении встречается большое количество курганов различных эпох. Скифы, сарматы, аланы, половцы – все они в разное время населяли территорию Минераловодского района и оставили следы своего присутствия в виде курганов, в большом количестве разбросанных вдоль тракта. Это говорит в пользу того, что этим трактом люди пользовались испокон веков на протяжении уже многих тысячелетий, и именно здесь могут быть приоткрыты многие тайны древней истории региона.

На отрезке между Утренней Долиной и дачами с правой стороны метрах в 150 от трассы виден хорошо сохранившийся каменный мост через ручей. Скорее всего он построен во второй половине XIX в. немецкими колонистами. Далее дорога проходила по левому берегу р. Кумы до г. Георгиевска, а затем уже вокруг г. Лысой, через ст. Незлобную и Лысогорскую в г. Пятигорск. Такой путь в том далеком 1820 году проделал и А.С. Пушкин вместе со своими попутчиками: генералом Раевским, его сыновьями и двумя дочерьми. Кстати, первоначально дорога шла через шотландскую колонию Каррас (в настоящее время п. Иноземцево). Путь занимал с момента выезда из г. Ставрополя 5–6 дней. Как уже было сказано выше, Пушкин с друзьями много путешествовал по Кавминводам. Вместе со своими спутниками он поднимался на многие лакколиты и в том числе на вершину г. Змейки или, как он ее называет в письме, г. Змеиной.

Существует несколько версий происхождения названия г. Змейки. У татаро-монголов она называлась Джлан-Тау, что в переводе означает Змеиная гора. Вероятнее всего, название одноименная вершина получила из-за своей формы. Сама вершина – это голова змеи, а дальше на запад тянется достаточно хорошо выраженный в рельефе длинный и тонкий хвост, также поросший лесом. Зная, что у татаро-монголов змеи и драконы – это культовые животные, можно с большой уверенностью предположить, что, увидев опять же

с высоты водораздела Сухого Карамыка гряды гор, одна из которых была похожа на змею, татаро-монголы и назвали ее Джлан-Тау. Тем более, что в окрестностях горы Змейки и сейчас встречается большое количество змей, в том числе и полозов. Отдельные особи достигают в длину двух, а по рассказам очевидцев, и трех метров. А.С. Пушкина и его спутников не могла не заинтересовать такая красивая и необычная вершина, как Змейка, да к тому же с таким интригующим названием.

Можно практически достоверно проложить маршрут, по которому они поднялись на вершину г. Змейки. Из источников известно, что выехали они из Железноводска и на лошадях поднимались до западных скал. Скорее всего, лошадей почти на середине пути пришлось оставить и дальше идти пешком из-за достаточно крутого склона. И, тем не менее, это был единственный безопасный путь к вершине. С других сторон гора была практически неприступна из-за большого количества отвесных скал. В 1820 г. Змейка была еще не тронута взрывами, и подняться без риска на нее можно было только с западной стороны, то есть со стороны «хвоста». Отдыхающим и находящимся на лечении на «железных» водах как в то время, так и сейчас, хорошо был виден отдельно стоящий останец, который в народе зовут «Чертов палец». Это небольшое образование метров 20-25 в высоту, сложенное сиенито-трахитом. Часто эти породы называют бештаунитами, потому что ими также сложена и г. Бештау – высшая точка КМВ.

Образовались скалы как на г. Змейке, так и на других лакколитах путем выветривания более рыхлых осадочных пород, под которыми находилась внедренная магматическая масса. Произошло это несколько миллионов лет назад. Сам возраст г. Змейки – 5–7 млн. лет. После разрушения осадочных пород глыбы застывшей в глубинах земли магмы обнажились, и теперь мы можем наблюдать самые причудливые формы, в том числе и на горе Змейке. Неподалеку от «Чертова пальца» расположен достаточно большой грот. Его и сейчас видно в хорошую погоду как и «Чертов палец».

Такой любознательный и наблюдательный человек, как А. С. Пушкин, не мог не обратить внимание на столь уни-

кальные природные образования. Возможно, что целью их экспедиции вместе с покорением вершины было посещение именно грота и «Чертова пальца». Важно и другое. Пушкин и его друзья видели его, были рядом с ним, а возможно, и поднялись к подножию «Чертова пальца». Скальный участок, который А. С. Пушкин со своими спутниками преодолел, поднимаясь на вершину г. Змейки, в нетронутom виде хорошо сохранился. Разрушающая деятельность человека обошла его стороной. Грот и «Чертов палец» тоже прекрасно сохранились до наших дней, совершенно не затронутые взрывами, которые гремели на Змейке до 1979 г. Отсюда открывается прекрасный вид на Главный Кавказский хребет и не менее живописные окрестности.

*В пещере тайной в час гоненья
Читал я сладостный Коран.
Внезапно ангел утешенья
С небес принес мне талисман.*

Вполне возможно, что эти стихи были написаны А. Пушкиным под влиянием восхождения на Змейку. Слишком много совпадений, которые говорят в пользу этого, и час гоненья – это, безусловно, ссылка, в которой поэт находился в то время. Абсолютно достоверно известно, что поэт впервые прочитал Коран именно в Железноводске, так как эта местность в основном была заселена тюрками. И, может быть, самым главным доказательством является то, что, по воспоминаниям очевидцев тех событий, Пушкин был влюблен в дочь генерала Раевского. А ангел утешенья неразделенной любви – это орлиное перо, прилетевшее к поэту с небес.

Еще 20–30 лет назад на Кавказских Минеральных Водах водились орлы. Особенно их было много на г. Змейке и на г. Бештау, видимо, из-за большого количества неприступных скал, на которых они любили селиться. В массиве г. Бештау есть неприступная гряда скал, которая так и называется – Орлиные скалы.

Спустя 9 лет после своего первого приезда на Кавказские Воды, Пушкин снова посетил эти места. Его сердце было переполнено воспоминаниями о былой юности, друзьях,

тоской о минувшем. Больше ему здесь бывать не пришлось. Но остались стихи, человеческая добрая память, горы, на которых поэт бывал, скалы, поросшие как и 190 лет назад густым можжевельником. Те самые скалы, с которых Пушкин с друзьями смотрел на предгорные степи, поросшие седым ковылем, и на петляющую в степи речку, которая несет свои воды к седому Каспию, на гордые заснеженные вершины Кавказа.

Промчались годы, и на равнине перед горой вырос красивый город. Где, как и по всей России, любят и почитают великого русского поэта А. С. Пушкина. И, возможно, когда-нибудь эти скалы на западном отроге г. Змейки в его честь назовут Пушкинскими.

СОДЕРЖАНИЕ

Глава I

Лирика

Город женщин	4
Осень	5
Ностальгия.	6
Новороссийск	7
Ночь	9
Танцует девчонка.	11
Ассоль	12
Ранняя пасха	13
Впечатления от фильма А. Тарковского «Андрей Рублев»	14
Пастораль	15
Пляжный кончился сезон	16
Ольга Амосова	18
Сонет	19
Лунатик	20
Шхельда	21
Истребитель	22
Марухский перевал	23
Воспоминание о послевоенном детстве	24
Архыз	25
Март	26
Рыбалка в заброшенном карьере	27
Фрегат	28

Глава II

Юмористические стихи, рассказы

Есть в каждом захудалом парке	30
Болдинская осень	31
Вселенским хамам	33
Слякоть души	34
Откровение	36
Странное совпадение	37
Эпиграммы	38
Клуб туристов	39
Король преферанса	40

Песенка геологов	41
Баллада о месте жительства	42
Однолюб	43
Архивное дело	44
Морская фамилия	51
Семейное счастье	62
Композитор	63
Дырка от бублика	71
Дырка в заборе	85
История одной глупости	91
Ромео и Джульетта	96
Шерше ля фам	100
Копыта Пегаса	106

Глава III

Рассказы, очерки

Утренние звезды	112
Путь длиною в два тысячелетия	116
Здесь был Пушкин	125

Художник *Никитин В. М.*
 Дизайн *Денисова А. И.*

Заказчик ООО «Минераловодский городской туристский клуб»,
 357200, г. Минеральные Воды, ул. Ленина, 41.

Подписано в печать 12.04.2011 г.
 Формат 60x84¹/₁₆. Бумага офсетная.
 Печать офсетная. Гарнитура SchoolBookC.
 Усл. печ. л. 8,5.

Отпечатано в ОАО «Городская типография»
 Зак. ??????. Тираж 2000 экз.